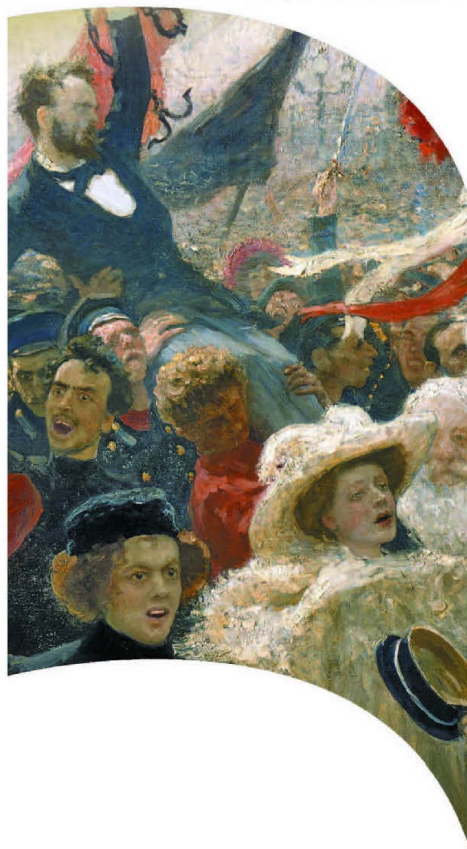


М. Д. МАРЕЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЕКТЫ
ПОЗДНИХ
СЛАВЯНОФИЛОВ

ИДЕИ ПЕРЕУСТРОЙСТВА
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ЕВРАЗИЯ PARVUS LIBELLUS NOVUS





М. Д. Марей

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ПОЗДНИХ СЛАВЯНОФИЛОВ

ИДЕИ ПЕРЕУСТРОЙСТВА
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

2-е издание, электронное



Санкт-Петербург
2025

УДК 329
ББК 63.3(2)521/522; 66.1(2)5
М25

Исследование осуществлено в рамках
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 году.

The study was implemented in the framework
of the Basic Research Program at the National
Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2024.

Марей, Мария Дмитриевна.

М25 Политические проекты поздних славянофилов. Идеи переустройства российской государственности / М. Д. Марей. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 194 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Parvus libellus novus). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0751-0

Книга посвящена исследованию политических взглядов некоторых представителей позднего славянофильства: Ф. Д. Самарина, Д. А. Хомякова, А. А. Киреева, Д. Н. Шипова, К. Н. Пасхалова, С. Ф. Шарапова. Автор ставит целью проанализировать их представления о самодержавной власти, роли и месте монарха в политической системе, а также прояснить причины критического отношения поздних славянофилов к так называемой «бюрократической монархии» и современным им конституционным проектам. Задачами книги также являются исследование позднеславянофильских представлений об обществе как партнере власти в политическом пространстве и связанные с этим теории создания законосовещательных органов и реконструкция их представлений о роли и значении местного самоуправления в структуре государственного устройства Российской империи.

УДК 329
ББК 63.3(2)521/522; 66.1(2)5

Электронное издание на основе печатного издания: Политические проекты поздних славянофилов. Идеи переустройства российской государственности / М. Д. Марей. — Санкт-Петербург : Евразия, 2024. — 192 с. — (Parvus libellus novus). — ISBN 978-5-8071-0628-5. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0751-0

© Марей М. Д., 2024
© Лосев П. П., дизайн обложки, 2024
© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2024

Вместо предисловия

В основе этой книги лежит сильно доработанный текст магистерской диссертации, написанной мной под руководством Кирилла Андреевича Соловьева в магистратуре НИУ ВШЭ по истории, теории и философии права. Однажды, придя к нему на очередную консультацию, я посоветовала, что по теме, которая меня больше всего интересует, источников-то достаточно, а вот исследовательской литературы, особенно хороших монографий, почти нет. Кирилл Андреевич мягко улыбнулся, покачал головой и сказал: «Вы знаете, Мария, у нас вообще очень много о чем нет хороших книг».

С тех прошло почти семь лет, но ситуация не сильно изменилась и если первое поколение славянофилов все-таки довольно неплохо изучено и о них написано много хороших книг (и дальше я их обязательно упомяну), то о тех, кого принято называть «поздними славянофилами» или неославянофилами, пишут довольно мало. Да и о том, есть ли вообще это самое

6 позднее славянофильство и кого мы так называем, идут споры.

Эта небольшая работа не претендует на полноту исследования позднего славянофильства — этот масштабный проект еще ждет своего автора. Я постаралась рассказать о нескольких персонажах, которые сами определяли себя как последователей славянофильства и были признаны современниками в качестве таковых. Поскольку они были людьми поколения, следующего за отцами-основателями славянофильства (их интеллектуальная зрелость пришлась на вторую половину XIX — начало XX века), то практические задачи, которые перед ними стояли, отличались от тех, которые были важны для их предшественников. Это была другая эпоха: после Великих реформ и отмены крепостного права, это время одновременно и консервативной реакции, и надежды на перемены. Это было время и развития земств и местного самоуправления, но и принятия законов, ограничивающих их деятельность; время расширения публичной сферы и ужесточения цензуры; время появления массовых общественных движений, политических партий, Государственной Думы, а также — время террора, революций и смены политического режима.

Да, время могло «славянофильствовать», но для того, чтобы быть искренним славянофилом в конце XIX века, необходимо было прилагать некоторые интеллектуальные усилия, чтобы по-

казать, что обращение к идеям «отцов-основателей» — это не просто дань уважения, а методологически обоснованный выбор.

7

О том, как у них это получилось, мы и поговорим далее. Но сначала необходимо определиться с понятиями: сказать, что же это такое — позднее славянофильство.

* * *

Эта книга не была бы ни начата, ни закончена без поддержки и участия со стороны Александра Мареев — моего мужа, коллеги и главного слушателя всех возникающих у меня идей.

Часть 1

Позднее славянофильство как объект изучения: проблемы определения и периодизации

Начиная разговор о неославянофилах (или так называемых «поздних славянофилах»), нужно сказать несколько слов о специфике самого термина. В исследовательской литературе он понимается по-разному. Часто он используется для того, чтобы подчеркнуть, что период конца 70-х–90-х годов XIX века является временем угасания и постепенной маргинализации славянофильства¹. Эта традиция идет как минимум с классической работы Н. И. Цимбаева², о которой я более подробно скажу дальше. Цимбаев просто отказывает позднему славянофильству в существовании, говоря о 1870-х годах XIX века как о времени постепенного угасания славянофильства. Однако К. А. Соловьев, например, указывает, что такая трактовка неославянофильства,

¹ См., например, статью: *Сергеев С. М.* Проблема позднего славянофильства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/41483.php> (дата обращения: 10.08.2018).

² *Цимбаев Н. И.* Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М., 1986.

- 12 хотя и допустима, но не очень оправданна³. Гораздо более продуктивным может быть рассмотрение неославянофилов как тех, кто пытался приспособить идеи первых славянофилов к современным им условиям.

В этой работе термины *«неославянофильство»* и *«позднее славянофильство»* будут использоваться без вкладывания в них негативного смысла, как синонимы, для описания политических и правовых идей следующих персонажей: Дмитрия Николаевича Шипова, Федора Дмитриевича Самарина, Клавдия Никандровича Пасхалова, Александра Алексеевича Киреева, Дмитрия Алексеевича Хомякова и Сергея Федоровича Шарапова.

По словам К. А. Соловьева, который в своих работах часто обращается к исследованию взглядов данных персонажей, «анализируя их интеллектуальные построения, следует иметь в виду, что речь идет не о партийной идеологии, предполагающей общий консенсус и безусловную монолитность. Неославянофильские концепции нельзя свести воедино, игнорируя их очевидные интеллектуальные особенности. Каждая из них предлагает особый путь адаптации славянофильских идей к условиям модернизационных процессов начала XX века»⁴. Другой известный

³ Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К. А. Соловьева. М.: НЛО, 2021. С. 570.

⁴ Соловьев К. А. Генерал Киреев и его дневник // Киреев А. А. Дневник. 1905–1910 / Сост., вступ. ст., коммент.

исследователь славянофильства, А. А. Тесля, пишет, что «по нашему мнению вряд ли правомерно ограничивать проблематику неославянофильства столь узкими временными рамками — проблемы адаптации славянофильства к современности находятся в центре внимания названных и близких к ним лиц с 70-х–80-х годов XIX века и вплоть до завершения их интеллектуальной активности. Однако в этих размышлениях позволительно выделить два решающих, концептуально значимых момента: 1) первые годы после восшествия на престол Александра III и 2) период первой русской революции и становления недолговечной «думской монархии» (1905–1907)»⁵.

Этими *хронологическими рамками* в основном и будет ограничено наше исследование общественных и политических идей представителей позднего славянофильства: 1881 год, с которого можно отсчитывать период так называемой «консервативной реакции», начало которому положил «Манифест о незыблемости самодержавия», и 1905–1907 годы, когда, с формированием политических партий, более значимыми стали

и примеч. к. и. н. К. А. Соловьева. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2010. С. 10.

⁵ Тесля А. А. Неославянофильство в период первой русской революции и становления «думской монархии» (по материалам дневника А. А. Киреева 1905–1910 гг.). Образовательный портал «Румянцевский музей». 09.09.2011. Режим доступа: <http://rummuseum.ru/portal/node/2224/> (дата обращения: 14.07.2013).

- 14 как раз внутри- и межпартийные взаимодействия и разногласия.

* * *

Славянофильское движение как таковое часто становилось предметом исследования различных специалистов по изучению общественной мысли: историков и славистов, филологов, философов, богословов, социологов и экономистов. Работ, посвященных им, довольно много и сейчас об их идеях рассказывают даже в университетских учебных курсах⁶. Но, как было сказано ранее, исследований, посвященных именно позднему славянофильству как феномену, практически нет, в лучшем случае его рассматривают в рамках славянофильства в целом⁷.

⁶ См., например: *Андреев Н. Ю.* Государственно-правовой идеал славянофилов. М.: Юрлитинформ, 2014. 274.; *Мокшина Е. Н.* Славянофилы и западники в России: государственно-правовые воззрения и общественно-политическая борьба: учебное пособие. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2020. 173 с.; *Смирнов В. Н.* Славянофилы и евразийцы (вторая половина XIX — начало XX вв.): учебное пособие. Харьков: Парус, 2007.

⁷ Если говорить не о статьях, а о масштабных исследованиях, то можно упомянуть разве что следующие работы: *Антонов М. Ф.* Экономическое учение славянофилов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008; *Золотарев Д. П.* Позднее славянофильство и его роль в общественно-политической мысли России 60-х–90-х гг. XIX века: Дис. ... канд. ист. наук:

Изучение славянофильства в отечественной науке началось еще во второй половине XIX века⁸. Однако первые исследователи рассматривали учение славянофилов как статичное явление и мало интересовались его историческим развитием (что во многом объясняется тем, что они были почти современниками исследуемым персонажам), к тому же многие из них сами были славянофилами или их противниками, поэтому исследования часто превращались в полемику, очную или заочную.

После 1917 года, в советский период, начался новый этап в изучении славянофильства, однако в это время оно чаще всего оценивалось как реакционное и консервативное, а представителям позднего славянофильства внимания и вовсе практически не уделялось. Важным

07.00.02. Воронеж, 2004; *Атякшев М. В.* Идея христианской общности в позднем славянофильстве: И. С. Аксаков, Н. Н. Страхов, П. Е. Астафьев, Л. А. Тихомиров: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. М., 2013.

⁸ См., например: *Завитневич В. З.* Место А. С. Хомякова в истории народного самосознания. Харьков, 1904; *Венгеров С. Л.* Передовой боец славянофильства Константин Аксаков. СПб., 1912; *Георгиевский А. П.* И. С. Аксаков и современная действительность. Казань, 1915; *Бурнакин А. А.* О судьбах славянофильства. Пг., 1916 и др. Неплохой обзор историографии славянофильства, в том числе самых первых исследований можно найти в диссертации А. О. Митрошенкова «Философия славянофилов в современной Российской историографии» (М.: Изд-во Весь Мир, 2005), где он, что характерно, также обращается только к исследованию идей первых славянофилов, а не их более поздних последователей.

16 этапом в изучении славянофильства стала работа С. С. Дмитриева, наметившего периодизацию истории этого течения⁹.

В конце 60-х годов XX века начали появляться работы, в которых анализировались различные аспекты идейного наследия славянофилов¹⁰. К середине 80-х годов были опубликованы первые обобщающие исследования¹¹, однако почти все исследователи ограничивали историю славянофильства как идейного направления только 40–60 годами XIX века, или практически полностью игнорируя позднее славянофильство, или говоря о нем как об эпигонстве славянофильства¹². В целом, в обобщающих трудах, статьях

⁹ *Дмитриев С. С. Славянофилы и славянофильство* // Историк-марксист. 1941. N 1.

¹⁰ *Герасимова Ю. И.* Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х — начала 1860-х годов. М., 1974; *Дудзинская Е. А.* Буржуазные тенденции в теории и практике славянофилов // Вопросы истории. 1972. N 1; *Кулешов В. И.* Славянофилы и русская литература. М., 1976; *Янковский Ю. З.* Из истории русской общественно-литературной мысли 40–50-х годов XIX столетия. Киев, 1972 и др.

¹¹ *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983; *Кошелев В. А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов. Л., 1984; *Кулешов В. И.* Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830–1850 годы. М., 1978; *Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России.* М., 1978; *его же.* Славянофильство. М., 1986; *Янковский Ю. З.* Патриархально-дворянская утопия. М. 1981 и др.

¹² *Дмитриев С. С. Славянофилы и славянофильство.* С. 89.

и отдельных монографических исследованиях, посвященных славянофильству, нередко встречаются упоминания о славянофильстве пореформенной эпохи, однако поздние славянофилы рассматриваются не как представители особого идейного направления, а как разрозненно действующие общественные деятели¹³.

Начиная с конца 80-х годов XX века, с введением в научный оборот новых источников и архивных материалов, представления о позднем славянофильстве постепенно меняются. К примеру, Е. А. Дудзинская в своей работе «Славянофилы в пореформенной России»¹⁴ обосновывает несостоятельность утверждения о том, что после 1861 года славянофилы уходят с арены общественной жизни, делая вывод о том, что мнение о распаде славянофильского движения к 70-м годам XIX века является необоснованным. Однако она в своей работе не ставила задачей исследовать различные идейные течения, называвшие себя последователями славянофилов.

В 1986 году была опубликована сейчас уже ставшая классической монография Н. И. Цимбаева «Славянофильство (из истории русской

¹³ См. например: *Егоров Б. Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982; *Троицкий Е. Н.* Возрождение русской идеи. М., 1991; *Ходанович М. А.* Основные понятия философской концепции Ап. Григорьева // Социальная философия в России в XIX веке. М., 1985.

¹⁴ *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в пореформенной России. М., 1994.

- 18 общественно-политической мысли XIX века)»¹⁵. На ней нужно остановиться подробнее, поскольку во многом именно она задала привычную нам сейчас оптику изучения славянофильства. Цимбаев писал, в частности, об истории термина «славянофильство»: о том, что появляется он в 1800-х годах, в литературных кругах, являясь ироническим названием, «обзывалкой» в адрес писателя А. С. Шишкова, обличавшего «язык и понятия новейших писателей», консерватора в языке и словоупотреблении¹⁶. В дальнейшем это именование перешло и на общественные взгляды Шишкова, который был консерватором, крепостником и противником либеральных преобразований. Затем, к 30-м годам, через Белинского и Герцена этот термин постепенно начинает употребляться применительно к тем, кого мы привычно именуем славянофилами, и здесь его содержание постепенно меняется. Новый «славянофил», указывал Цимбаев, — это человек, «неравнодушный к прошлому и настоящему славян, преданный их культурным и политическим интересам»¹⁷. В избыточном «славинизме» Герцен как раз и упрекал первых славянофилов.

Необходимо подчеркнуть, что исходно этот термин не был самоназванием, да и употреблялся по-прежнему в ироническом ключе, по-

¹⁵ Цимбаев Н. И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М., 1986.

¹⁶ Там же. С. 8.

¹⁷ Там же. С. 17.

сколько значимость собственно славянского вопроса для первых славянофилов (А. С. Хомякова, П. В. и И. В. Киреевских, К. С. Аксакова), как это ни странно, была крайне мала. Они именовали себя «московским направлением». В дальнейшем, однако, термин был принят как самоназвание, хотя четкого определения его не было. В пореформенное время, отмечает Цимбаев, этот термин употреблялся как для обозначения тех, кого мы привыкли так именовать, так и для более общего обозначения сочувствующих славянскому движению и все больше использовался для обозначения панславистов. Также он использовался для обозначения ученых-славистов и как самоназвание русских националистов конца XIX века, что еще больше размывало его значение. В силу всего этого Цимбаев призывает ограничить употребление данного термина членами славянофильского кружка, дабы внести терминологическую ясность и избежать смешения славянофильства с другими феноменами общественной жизни имперской России. Нам это также кажется уместным.

Говоря о том, кого сами славянофилы видели своими предшественниками, Цимбаев пишет, что в 30–40-е годы, во время становления славянофильства, ими назывались М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин. Славянофилы, в частности К. С. Аксаков, приняли данный термин как самоназвание во многом благодаря тому, что сочувствовали их идеям. В 60-е такими «отцами»

20 называются уже первые представители «славян»: Цимбаев отмечает, что в пореформенные годы славянофилы утратили интерес к предшественникам, в это время они начинают отсчет от старших товарищей — К. С. Аксакова, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского. Это подтверждается, в частности, позицией И. С. Аксакова, называвшего себя «последним из отцов» и хранителем славянофильского наследия.

В целом, говоря об истоках славянофильского движения, Цимбаев указывает на идейную связь и — отчасти — преемственность славянофильства и декабризма, на место славянофилов (старших) в идейной борьбе декабристов, систему личных связей и влияния. Применительно к тому времени он называет «старших» славянофилов «будущими славянофилами», т. к. их славянофильские убеждения еще не сформировались. Они выступали против абсолютизма, поддерживали зарождающийся в России либерализм, конституционные мечтания декабристов, верили в особую миссию России (особый путь, не предполагавший ни идею превосходства (доктрина официальной народности), ни уничижительное отношение к собственной истории (Чаадаев)), считали народ главным деятелем в истории, и почти ничего не писали о судьбе славянских народов. Некоторые идеи славянофилов были свойственны и декабристам, но Цимбаев отмечает, что это мало что нам дает, в то время они многим были свойственны.

Собственно славянофильство, по мнению Цимбаева, возникло в условиях спада общественного движения в 30-е годы XIX в., явившись новым витком развития русского либерализма. Работа Хомякова (1838–1839 гг.) «О старом и новом» стала ответом и Чаадаеву, и официальной идеологии. С этого момента можно отсчитывать существование Славянофильства, начало его самоосознания. Характеризуя структуру кружка, Цимбаев отмечает его внутреннюю устойчивость, сильные семейные и личные связи, замкнутость. По сути, мы говорим о нескольких хорошо друг друга знавших семействах, часто скрепленных родственными связями. При этом сами они отмечали отсутствие широкого влияния своих идей на молодежь. Он не занимали университетские кафедры, о них не знал почти никто, кроме круга знакомых и правительства, у них не было молодых последователей. Славянофильство для них было «личным делом», и со смертями их всех оно закончится. Во многом так и получилось, и Цимбаев отмечает, что деятельность И. С. Аксакова после смерти отца, А. С. Хомякова и брата Константина являлась своеобразным «памятником» учению, которое он сам считал законченным. Он (И. С. Аксаков) оказался не совсем прав, сам став продолжателем и популяризатором их учения, но важно сейчас не это, а то, что даже в 1861 г., когда славянофильство насчитывало уже больше 20 лет истории существования, Ю. Ф. Самарин, обсуждая с И. С. Аксаковым

22 издание газеты, писал, что это плохая идея, потому что в газете обычно излагаются некоторые воззрения на общественную жизнь с позиций известных, а о славянофилах мало кто знает за пределами кружка и надо начинать с азов.

Говоря о периодизации славянофильского движения, Цимбаев выделяет следующие этапы его существования¹⁸:

Первый этап — 1838–1839 гг. Становление кружка. Выработка общей историко-философской концепции, определение позиции по отношению к основным вопросам, редкое появление в печати в связи с цензурными ограничениями.

Второй — 1848–1855 гг. В это время славянофильство выступает как цельная концепция, развивается теория «земли» и «государства», негосударственности русского народа (К. С. Аксаков). Также почти полное отсутствие в печати и цензурные ограничения.

Третий — 1855–1861 гг. В это время общее настроение славянофилов характеризуется искренней верой в осуществление их идеалов, они участвуют в подготовке реформ. В это время выходит журнал «Русская Беседа» и газета «Москва». Однако, этот этап отмечается неудачей в привлечении внимания мыслящей общественности.

Четвертый этап — 1861–1875 гг. Последний этап. В это время развивается славянофильская теория общества, они занимаются активной по-

¹⁸ Там же. С. 87–88.

литической деятельностью. Цимбаев отмечает, что в это время происходит фактическое распадение кружка, сопровождающееся идейным кризисом славянофильства и растворением его в общем потоке либерального движения¹⁹. По его мнению, важно отделять тех, кого традиционно приписывают к славянофилам, от тех, кто ими на самом деле являлся. На этом же основании он говорит, что после 1870 г. славянофилов не было, а тех, кто так себя называл, были, по сути, эпигонами, а не последователями славянофильства.

Не подвергая сомнению классификацию Цимбаева, мы, тем не менее, считаем вполне корректным говорить об идейной преемственности поздних славянофилов по отношению к «классическому» славянофильству, и в связи с этим нам представляется интересным и важным проследить, каким образом происходит трансформация основных используемых славянофилами понятий в дискурсивных рамках именно позднего славянофильства (или неославянофильства).

* * *

В 1990 году в Институте русской литературы прошла конференция «Славянофильство и современность», на которой обсуждалась, в частности, судьба славянофильского движения в период

¹⁹ Там же. С. 89.

24 после Великих реформ. В сборнике трудов, опубликованных по результатам работы конференции, можно встретить статьи, где рассматривается связь славянофильского движения с национализмом, панславизмом, славянофильские воззрения на отношения власти и общества и т. д. Составители сборника отмечали, что в текущий исторический период обращение к теоретическим построениям славянофилов является не только интересным с исторической точки зрения, но и политически актуальным²⁰.

В это же время нарастает интерес к отдельным представителям позднего славянофильства, появляется ряд исследований славянофильского движения в пореформенную эпоху²¹, то есть тех, кого самые первые исследователи называли эпигонами славянофильства или вовсе не относили к этому направлению, считая его как общественное и интеллектуальное движение исчерпавшим

²⁰ Славянофильство и современность: сборник статей / Под ред. Б. Ф. Егорова, В. А. Котельникова. М., 1994.

²¹ См., например: *Карцов А. С.* Правовая идеология русского консерватизма. М., 1999; *Котов А. Э.* Проблема государственного строительства в русской консервативной печати 70–90-х гг. XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006; *Панова М. И.* Идеи славянофильства в русской общественно-политической мысли в 1850-е гг. — 1917 г. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; *Репников А. В.* Консервативная концепция русской государственности. Монография. М.: МПУ «Сигналъ», 1999; *Секиринский С. С., Шелохаев В. В.* Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX — начало XX в.). М., 1995.

себя если не к концу 60-х гг. XIX века, то к 80-м — точно. Некоторые из этих исследований знаменуют собой серьезную смену оптики в изучении позднего славянофильства, традиционно воспринимаемого как консервативное и охранительное течение, и появляется все больше исследователей, которые не были согласны с такой оценкой.

К примеру, А. Э. Котов пишет о либеральном национализме славянофилов, в частности, указывая на наличие либеральных элементов в консервативной программе А. А. Киреева²². К. А. Соловьев, довольно много пишущий именно о позднем славянофильстве, не раз указывал на близость славянофильских проектов и идей первых российских конституционалистов. Например, в книге, посвященной изучению деятельности кружка «Беседа»²³, характеризуя общественно-политические взгляды «собеседников», он делит их на два течения: конституционалистов и неославянофилов, которые были сторонниками реформированного самодержавия и не принимали конституционные проекты. При этом Соловьев отмечает, что, хотя последователей славянофильского движения среди членов

²² Котов А. Э. Русский националист генерал А. А. Киреев // Глобализация и патриотизм: материалы докладов и выступлений Международной научно-практической конференции ученых, аспирантов, студентов. СПб., 2010. С. 166–171.

²³ Соловьев К. А. «Кружок Беседа: в поисках новой политической реальности. 1899–1905». М.: РОССПЭН, 2009.

26 кружка было меньше, они имели большое влияние на принятие решений, поскольку являлись либо его основателями, либо весьма авторитетными членами. Анализируя политико-правовые проекты членов «Беседы», автор отмечает точки расхождения славянофилов и конституционалистов, однако указывает и на то, что в их взглядах было много общего, и, хотя противоречие между политическими требованиями неославянофилов и конституционалистов осталось непреодоленным, это долгое время не мешало им обсуждать свои проекты как часть общего плана реформ. А во втором томе недавно вышедшего трехтомника «Политические партии России», в части, посвященной партогенезу, довольно много внимания уделено как раз тем персонажам, о которых дальше пойдет речь в этой книге²⁴.

Интересным и очень важным также является исследование С. В. Шелохаева, которое посвящено общественно-политической деятельности Д. Н. Шипова, известного земца и славянофила. Автор формулирует свою задачу как «раскрытие наиболее типичных, сущностных черт личности, мировоззрения и общественно-политической позиции русского либерала-консерватора»²⁵. В дальнейшем он много писал о роли Шипова в либе-

²⁴ Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.: В 3 т. Т. 2: Либеральные партии / К. А. Соловьев. М.: Политическая энциклопедия, 2022.

²⁵ Шелохаев С. В. Общественно-политическая деятельность Д. Н. Шипова: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 3.

ральном движении конца XIX — начала XX века. По мнению Шелохаева, в практических построениях Шипова можно найти вполне самостоятельную альтернативу общественно-политических преобразований в России, и он отмечал большое значение его практической земской деятельности. В своем монографическом исследовании²⁶ он также останавливался на вкладе Шипова в развитие института местного самоуправления, показывая, что Шипов выступал за демократизацию местного самоуправления, за введение мелкой земской единицы, что способствовало бы лучшей работе земства, и надеялся на сотрудничество с властью в деле реализации своих проектов. Исследования С. В. Шелохаева дают возможность по-новому оценить возможность практической реализации славянофильских проектов и демонстрируют, что славянофилов невозможно однозначно отнести к консервативному лагерю.

Довольно много о славянофилах писал и пишет А. А. Тесля, также не считающий славянофилов такими уж консерваторами²⁷. Его работы посвящены, в основном, политико-правовым взглядам славянофилов. В книге «Первый

²⁶ *Шелохаев С. В.* Д. Н. Шипов. Личность и общественно-политическая деятельность / Под ред. О. В. Волобуева. М.: РОССПЭН, 2010.

²⁷ См., например: *Тесля А. А.* Славянофилы и «польский вопрос» в 1840 — 1-й пол. 1860-х годов // *Философия: Журнал НИУ ВШЭ.* 2021. Т. 5, № 3. С. 191–216.; *Тесля А. А.* Место славянофильства в типологии консерватизма // *Stasis.* 2020. Т. 10. No 2. С. 13–40.

28 русский национализм... и другие»²⁸ речь идет о первом российском национальном проекте — славянофильском, о том, в каких интеллектуальных условиях он формировался, существовало ли единство мнений, или, напротив, можно говорить о нескольких явно конкурирующих проектах. Другая его книга «Последний из „отцов“»²⁹ — это продолжение и развитие темы. В ней подробно исследуются общественные и политические взгляды Ивана Аксакова — одного из «младших» славянофилов, на фоне почти всех более-менее влиятельных современников. При этом автор не только анализирует теоретические и практические проекты своего героя, но и рассказывает о судьбе славянофильских идей у тех, кто считал себя последователями их учения.

В целом же, несмотря на несомненную значимость и ценность указанных выше работ, к сожалению, в настоящее время не приходится говорить о серьезной традиции исследования позднего славянофильства. Об этом свидетельствует уже хотя бы отсутствие обобщающего монографического исследования, посвященного позднему славянофильству, хотя, как уже сказано ранее, в последнее десятилетие опубликовано достаточно большое количество значимых работ и диссертационных исследований, ему посвященных.

²⁸ Тесля А. А. Первый русский национализм... и другие. М.: Европа, 2014.

²⁹ Тесля А. А. «Последний из „отцов“»: биография Ивана Аксакова. СПб: Владимир Даль, 2015.

Значимым и очень важным началом такой традиции может стать опубликованная в 2021 году коллективная монография «Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века»³⁰, которая интересна как сама по себе рассмотрением различных феноменов русской истории и общественно-политической жизни как «республики без республиканизма» (глава III), так и «республиканизма без республики» (главы VII и VIII), так и тем, что славянофильским проектам там уделено большое внимание.

Но нельзя не отметить, что одной из самых известных и влиятельных работ по истории русского славянофильства до сих пор является книга Анджея Валицкого «В кругу консервативной утопии»³¹, где он определяет славянофильство именно как консервативное направление, на формирование которого повлияли европейские консерваторы и романтики. С этим многие согласны, и в массовом сознании славянофилы обычно воспринимаются как консерваторы, причем того толка, когда прошлое романтизируется таким образом, что в качестве идеала воспринимается нечто никогда не бывшее: некая православная русская земля, управляемая самодержавным монархом при помощи Земского собора.

³⁰ Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К. А. Соловьева. М.: НЛО, 2021.

³¹ Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: НЛО, 2019.

30 Это не совсем так, и далеко не все славянофилы были мечтателями подобного рода. Я надеюсь, что краткие очерки, представленные во второй части книги, послужат разрушению этого стереотипа. Потому что, как справедливо пишет А. А. Тесля, когда мы называем славянофилов консерваторами, «существенным оказывается другой вопрос: почему „либеральная“ составляющая оказывается неустранимой из славянофильских взглядов — и почему „либеральная“ интерпретация славянофильских взглядов имеет за собой историю, сопоставимую по длительности и обилию авторов с „консервативным“ прочтением»³². Как уже было сказано ранее, в исследовательской литературе нет единства ни относительно общего перечня персонажей, включаемых в число поздних славянофилов, ни в вопросе о том, было ли позднее славянофильство более-менее единым интеллектуальным течением или общественным движением.

Я предлагаю воспринимать тех персонажей, о которых дальше пойдет речь, как славянофилов по убеждениям, а не по партийной принадлежности: для всех них было важно сохранить и развить славянофильскую составляющую в своих собственных проектах. Насколько у них это получилось, мы можем попробовать оценить.

³² Тесля А. А. Семь коротких лекций о славянофильстве / Андрей Тесля; с рисунками Э. А. Дмитриева-Мамоннова. Тула: ТИАМ, 2023.

Часть 2

Лица и идеи

Глава 1

К критике идеи народного представительства и в защиту самодержавной монархии: политические идеи Федора Дмитриевича Самарина¹

Среди общественных деятелей России второй половины XIX — начала XX века есть достаточное количество персонажей, чьи имена известны историкам, экономистам или богословам, занимающимся достаточно узкой проблематикой, но которые никогда не вспоминаются в числе тех, кого принято называть «лицом» эпохи, хотя среди современников они были достаточно влиятельны — как по своему общественному положению, так и в идейном плане. Не будучи «властителями дум» и не оставив после себя работ, переживших их время, они интересны своим местом в интеллектуальном пространстве эпохи, тем, как они осознавали его и пытались мыслить и действовать в соответствии с этим.

¹ В сокращенном виде эта глава была опубликована ранее в виде статьи: *Марей М. Д.* «Я не вижу причины менять свою точку зрения»: Ф. Д. Самарин о Земском соборе и идее представительства // Тетради по консерватизму. 2019. № 2. С. 399–412.

Федор Дмитриевич Самарин относится к их числу. Он родился 4 февраля 1858 года в дворянской семье и уже по рождению, по семейной истории был сразу связан со славянофилами как представитель клана Самариных. В дальнейшем он сам становится одним из знаковых персонажей для позднеславянофильского движения.

Он был публицистом, известным общественным, политическим и церковным деятелем своего времени. В 1880 году он окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1884 по 1891 годы был предводителем дворянства Богородского уезда Московской губернии, с 1888 года — гласным Московского губернского земства. В 1904–1905 годах основал монархический «Кружок москвичей». В 1906–1908 годах был членом Государственного Совета по выборам от московского дворянства, в 1907–1908 году — заместителем председателя комиссии законодательных предположений. В 1906 году Самарин принимал участие в работе Предсоборного Присутствия, в состав которого был включен вместе с А. А. Киреевым, Д. А. Хомяковым и Е. Н. Трубецким. В 1907–1908 годах по приглашению оберпрокурора Святейшего Синода принял участие в особом Совещании по организации прихода. В январе 1907 года вместе с М. А. Новоселовым организовал известный Кружок ищущих христианского просвещения, приняв непосредственное участие в составлении его устава. Также он был одним из иници-

аторов и организаторов в 1909 году Братства Святителей Московских, став его председателем. При открытии Братства 27 декабря 1909 года именно им была произнесена программная речь о задачах Братства и способах их решения. В 1912 году Самарин был избран почетным членом Московской духовной академии. Умер он в 1916 году, в Москве, похоронен на Донском кладбище.

Богословская и религиозная тематика занимала важное место в творчестве Самарина, и современникам он был более всего известен как раз работами в этой области. Мы же обратимся к его политическим взглядам, к тому, что он писал о самодержавной монархии в Российской империи, о конституционных преобразованиях, о Земском соборе. Его взгляды часто вступали в противоречие с господствовавшими в славянофильской среде стремлениями возвращения к политическому идеалу прошлого, однако это не мешало ему считаться (и быть) одним из наиболее ортодоксальных представителей славянофильства — и я надеюсь, что смогу показать, почему.

Быть славянофилом после 80-х годов XIX века было тяжело. Исследователи славянофильства говорят об этом времени как о времени естественного (после смерти основных участников) угасания славянофильского движения. Н. И. Цимбаев, говоря о периодизации славянофильства, писал, что 1861–1875 годы — это его последний

36 этап. Хотя в это время и развивается славянофильская теория общества, сами славянофилы занимаются скорее активной политической деятельностью, а не теоретическими разработками. Цимбаев отмечал, что в этот период происходит фактическое распадение кружка, сопровождающееся идейным кризисом славянофильства и растворением его в общем потоке либерального движения².

У представителей позднего славянофильства были серьезные проблемы с построением собственных теорий, выходящих за пределы того, что было сказано их предшественниками. В текстах Ю. Ф. Самарина, К. С. и И. С. Аксаковых, в том числе в переписке, мы можем найти места, посвященные теоретическим спорам, осмыслению встававших перед ними концептуальных затруднений, они могли (до определенной степени) отразить свои славянофильские установки и видеть их слабые места, в то время как их последователи зачастую некритично воспринимали их идеи, повторяя их, но не актуализируя вновь саму суть, которая описывалась, например, триадой «Православие. Самодержавие. Народность». Они оставались на том же теоретическом уровне, что и их предшественники, не внося практически ничего нового.

² Цимбаев Н. И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М., 1986. С. 89.

Отчасти это было связано с тем, что те практические вопросы или теоретические споры, которые в 40–60-х годах XIX века были значимы для русского общества в целом и для славянофилов в частности, к 80-м годам уже не были актуальны. Времена изменились, и политическая философия, которая фиксирует, в том числе, и смену способов обсуждения, проговаривания, должна была быть иной — в частности, иным должен был быть язык. Однако представители позднего славянофильства пользовались тем же категориальным аппаратом, который для их предшественников был способом фиксировать «живые», волнующие их вопросы, а не просто понятным всем словарем.

Федор Дмитриевич Самарин не отличался в этом от других последователей славянофильства, он не был сильным теоретиком и, судя по всему, его славянофильские убеждения не базировались на серьезной философской основе. В его работах сложно найти теоретическое обоснование его собственных воззрений. Он был скорее практиком и исходил из опыта своей земской деятельности и участия в разного рода общественных объединениях. Этим он и интересен: своими идеями о возможности применения славянофильских идеалов в практической, земской работе.

Исследуя политические взгляды Самарина, в частности, его отношение к Земскому собору, необходимо учитывать, что эти его размышления —

38 часть более общей темы: самой возможности введения в России представительного органа, пусть и только совещательного. Я буду обращаться к его идеям, высказываемым и развиваемым в работах, опубликованных в период с 1900 по 1906 годы. Такие временные рамки обусловлены тем, что в это время активно обсуждается возможность введения в России представительных учреждений и то, какими они будут. Эта тема вызывала живой интерес Самарина и как славянофила, и как человека, имевшего к этому времени почти двадцатилетний опыт земской работы и вполне сложившееся о нем (земстве) представление, что во многом повлияло на его отношение к идее Земского собора или какого-то другого варианта представительства.

Самодержавная монархия была для него не обсуждаемой ценностью, однако не столько как *форма* правления, сколько как *оформление* цели жизни людей в государстве, а именно, воплощения в жизнь нравственных принципов русского православия. Это утверждение в той или иной мере справедливо для всех представителей славянофильского направления:

«для них ценность государства определялась значимостью идей, лежащих в его основании. Соответственно, правовые формы должны способствовать реализации этих идей, сами по себе они имеют вторичное значение, и введение того или иного правового механизма не станет

однозначным решением стоящих перед страной проблем»³.

39

Право, институты государства — это то, что может либо способствовать реализации этих идей, либо вредить — если за ними признается первостепенное значение, если государство перестает восприниматься только как «внешняя форма человеческого общежития», а «юридические формы» начинают считаться чем-то, что «существует само по себе и для себя»⁴. Для большинства славянофилов общим местом было признание того, что правовые формы имеют вторичное значение, и реформы, заключающиеся в принятии того или иного закона или создания нового государственного института, сами по себе не могут быть решением стоящих перед страной проблем. К. А. Соловьев, анализируя различные представления о самодержавной власти, пишет, что задачу, стоявшую перед славянофильски ориентированными мыслителями в конце XIX века, можно сформулировать таким образом: им нужно было совместить свою программу реформ, которая в корне изменила бы нынешнее положение дел, с идеей истинного самодержавия, которое

³ Соловьев К. А. «Кружок Беседа: в поисках новой политической реальности. 1899–1905». М.: РОССПЭН, 2009. С. 66.

⁴ Там же. С. 63.

40 должно прийти на смену нынешнему засилью бюрократии⁵.

В случае Самарина это была не просто общетеоретическая установка, заимствованная у старших славянофилов, но выражение практических требований, предъявляемых к действующей власти. Когда он писал о необходимости реформ, он настаивал, что монарх вполне может дать своим подданным различные свободы (вероисповедания, печати, свободу от административного и полицейского произвола), оставаясь при этом самодержавным, т. е. не ограничивая себя принятием конституции или введением парламента. Как описывал это в дневниковой записи от 24 января 1905 года А. А. Киреев, также активный участник славянофильского движения и один из постоянных корреспондентов Самарина, он надеялся, что «самодержавие само, без помощи земли, в состоянии дать нам то, в чем мы нуждаемся»⁶.

«Без земли» означало в данном случае «без Земского собора», последовательным противником созыва которого выступал Самарин — несмотря на то, что идея Земского собора была одним из общих мест славянофильской доктрины.

⁵ Более подробно об этом: *Соловьев К. А.* Идея самодержавия (конец XIX — начало XX вв) // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. II, № 2. С. 48–69.

⁶ *Киреев А. А.* Дневник 1905–1910. С. 27.

Сохранилась переписка А. А. Киреева и Ф. Д. Самарина, в которой они достаточно подробно и откровенно обсуждали значимые с их точки зрения события общественной и политической жизни России 1904–1905 года⁷. Одной из основных тем переписки была возможность учреждения в России представительства (народного или на сословных началах) и связанная с ней возможность возвращения к практике Земских соборов. Эти обсуждения не были для них предметом праздного интереса. Как уже было сказано, Самарин являлся одним из лидеров неославянофильского движения. Киреев же был близким к императорскому двору человеком, адъютантом великого князя Константина Николаевича, и одновременно убежденным славянофилом, одним из создателей Петербургского Славянского комитета, в дальнейшем — одним из лидеров «Отечественного союза», разработавшим собственную политическую доктрину, основанную на классических славянофильских началах⁸.

Из их переписки видно, что, несмотря на общность базовых ценностей (сохранение неограниченного самодержавия, отрицательное

⁷ Переписка А. А. Киреева и Ф. Д. Самарина / Публ., вст. ст. и коммент. И. В. Лукоянова // Нестор. № 3. Между двух революций 1905–1917. СПб.: «Нестор-История», 2004. С. 11–104.

⁸ Более подробно см. в главе, посвященной Кирееву (с. 86–109).

42 отношение к бюрократии и возможности конституционных преобразований и т. д.), по целому ряду вопросов их мнения расходились, что заставляло более подробно и аргументированно излагать собеседнику свою позицию. Поэтому данная переписка является хорошим источником информации об их теоретических установках.

Возвращаясь к теме Земского собора и шире — самой возможности представительства, — можно сказать, что критическая установка Самарина была во многом основана на том, что возвращение Земских соборов в политическую реальность России ничего не даст для выхода из кризиса (вернее даже сказать — из предреволюционного состояния, т. к. возможность революции проговаривалась собеседниками, ее опасались), напротив, это может стать опасным политическим ходом, могущим повлечь непредсказуемые последствия как для монархии, так и для страны в целом.

Аргументы Самарина выстроены как критический анализ проекта Киреева, который был изложен в брошюре «Россия в начале XX столетия»⁹, опубликованной в 1903 году и обсуждавшейся в переписке.

Самый первый объект критики — это разделяемая многими их современниками установка,

⁹ Киреев А. А. Россия в начале XX столетия // Киреев А. А. Учение славянофилов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 360–395.

что бюрократический аппарат, или, как его называли, «бюрократическое средостение» – это важнейшая причина «болезни» российского общественного строя. Самарин утверждал, что бюрократический аппарат сейчас действует если не лучше, то уж, во всяком случае, не хуже, чем во время предшествующих царствований, справляясь с такими задачами, которые точно были бы не под силу прежней администрации:

«Если бюрократия могла восстановить равновесие в бюджете, привести наши финансы в такое блестящее состояние, в каком они никогда не были, ввести золотое обращение, справиться с таким небывало колоссальным предприятием, как винная монополия, и заведовать железнодорожным делом во всяком случае не хуже частных предпринимателей, то не знаю, какие могут быть основания, чтобы утверждать, что бюрократическая машина работает теперь хуже, чем 40, 50, 60 лет тому назад? Напротив, она как будто даже идет вперед, старается поспеть за народными потребностями и жить „с веком наравне“»¹⁰.

Говорить об «упадке» бюрократического строя невозможно, и причину кризиса нужно искать не в нем. Однако даже если бы это было так, то пути решения, предлагаемые Киреевым, также признавались Самариним бесполезными и даже вредными: даже если «дать отставку» всем имеющимся бюрократам и «призвать к работе свободные общественные элементы»,

¹⁰ Переписка А. А. Киреева и Ф. Д. Самарина. С. 34.

44 как призывал Киреев, ничего не изменится. Самарин совершенно справедливо указывал, что между бюрократией и образованным обществом нет жесткой границы: они связаны тесными дружескими и родственными связями. А значит, если поменять одних на других, особенной разницы не будет: дело в людях, а не в условиях, в которые они поставлены. Проблема в том, как устроена система, в ее внутренних законах, а не в чиновниках: если заменить одних на других, ситуация не изменится. Кроме того, в России того времени существовала и кадровая проблема: несмотря на кажущееся обилие чиновников, власть зачастую испытывала серьезные трудности с подбором кадров¹¹.

Также при самодержавном правлении, если оно не стремится стать абсолютной монархией (а для славянофилов это отнюдь не синонимы¹²), нет необходимости в объединенном правительстве, которое будет контролироваться монархом:

¹¹ См. об этом же, например, у А. А. Половцова, занимавшего с 1883 по 1892 гг. пост Государственного секретаря. В своем дневнике он периодически описывает сложности, возникавшие у Александра III при назначении министров, у министров — при подборе служащих, а у него самого — при подборе секретарей и работников канцелярии (*Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. М.: Центрполиграф, 2005*).

¹² См., например: *Хомяков Д. А. Самодержавие (опыт схематического построения этого понятия) // Православие. Самодержавие. Народность. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 155.*

«Сущностью самодержавия вовсе не требуется отождествление самодержца с правительством; напротив, нет ничего вреднее и опаснее для идеи самодержавия как подобное отождествление. Поэтому вмешательство самодержца в текущие дела, — я говорю о вмешательстве по личному почину и ради проведения личных взглядов или ради прикрытия авторитетом самой верховной власти распоряжений министерских, должно быть явлением чрезвычайным, исключительным, в интересах самой власти»¹³.

Самодержец должен быть «дистанцирован» от бюрократии, он не должен быть главой администрации, вовлеченным в политический процесс и партийную борьбу: это вредно и для управления, и для самой самодержавной власти. Кроме того, Самарин был критически настроен по отношению к возможности общественных деятелей участвовать в управлении страной. Бессмысленно, на его взгляд, возлагать на русское общество какие-либо надежды в этом отношении, поскольку оно не может справиться даже с нынешними своими обязанностями, в той области, которая ему отведена: в земском деле¹⁴. Самарин писал, что

«общество, как союз бытовой, свободный и органический, у нас бессильно, более того, что его у нас нет, ибо то, что у нас носит это название, в сущности, не достойно его, ибо это — не более как „людская пыль“, по удачному выражению

¹³ Переписка А. А. Киреева и Ф. Д. Самарина. С. 35.

¹⁴ Там же. С. 35–36.

46 [И. Л.] Горемыкина. В этом, по-моему, наш главный, коренной недуг, а не в господстве бюрократии. Будь наше общество иное, и бюрократия была бы не так вредна, может быть, даже она была бы только полезна»¹⁵.

Итак, он не верил в «русское общество», более того, отрицал сам факт его существования как некоего целостного, органического союза людей, способного к какой-либо созидательной деятельности, а не только к критике. Даже земство, которое должно быть сферой приложения наиболее активных и заинтересованных общественных сил,

«как общественное учреждение, как самоуправляющаяся единица оказывается несостоятельным, бессильным исполнять свое прямое назначение и от этого ударяется в политику... Отсутствие людей, равнодушное отношение к делу, склонность все сваливать на платных работников — все эти черты, которые нетрудно заметить и в прежних земских учреждениях, действовавших по закону 1864 года; да и теперь они проявляются совершенно вне всякого соответствия с внешними условиями и ограничительными мерами, которым земство подвергается... Итак, общество наше не в силах справиться даже с тем делом, которое ему теперь предоставлено, и которое оно может ведать самостоятельно. В этой, отмежеванной ему области оно оказывается совершенно несостоятельным»¹⁶.

¹⁵ Там же. С. 36.

¹⁶ Там же. С. 35–36.

Эти люди не могли и не хотели объединяться вокруг какой-либо одной положительной идеи, зато очень успешно спланивались на почве критики исторически сложившегося в России государственного строя. Поэтому такое общество не могло быть конструктивной, созидательной силой и не заслуживало доверия власти¹⁷.

Следствием такого отношения стал его скепсис по поводу идеи созыва Земского собора: если собор будет носить сословный характер, он будет состоять из представителей этого самого общества, которое враждебно верховной власти, с недоверием относится к ее начинаниям и не поддерживает ее. Следовательно, настроения там будут господствовать совсем не те, на которые надеются его сторонники, а значит, такой Земский собор вряд ли будет законосовещательным органом, поддерживающим царя, — наоборот, в нем еще скорее созреют планы конституционных преобразований. Кроме того, сама идея Земского собора не предполагает механизмов для сдерживания попыток участников собора навязать свое мнение монарху:

«вопрос в том, как этого достигнуть, т. е. как сделать, чтобы у Собора не было поползновения ограничивать власть самодержавную, а чтобы царь со своей стороны смотрел на участие Собора в государственном деле не как на стеснение своей власти, а лишь как на наиболее для нее надежную

¹⁷ Соловьев К. А. «Кружок Беседа: в поисках новой политической реальности. 1899–1905». С. 103.

48 опору. Для этого совершенно недостаточно сказать, что Земский собор есть и будет учреждением совещательным, мнения которого для верховной власти не обязательны»¹⁸.

В ситуации взаимного недоверия власти и общества сложно ожидать, что каждая сторона не попытается навязать другой свою волю, а следовательно, желаемого взаимодействия не получится.

Справедливости ради нужно отметить, что Самарин отвергал идею представительства не полностью, а только на государственном уровне: он одобрительно относился к представительству уездного земства в губернском, когда все участники заняты рассмотрением вопросов и проблем местного значения, и их совместная деятельность служит общему благу: губернскому или земскому¹⁹. Однако если представительные учреждения все-таки будут введены, то

«перед *политической борьбой* (курсив мой. — М. М.), по крайней мере сначала, отступит всякая созидательная работа, все затмит стремление к власти и партийная борьба, сложная же законодательная работа будет из года в год откладываться...»²⁰

¹⁸ Переписка А. А. Киреева и Ф. Д. Самарина. С. 37.

¹⁹ Самарин Ф. Д. Мнение гласного Богородского уездного земского собрания Федора Дмитриевича Самарина по вопросу о взаимных отношениях губернского и уездных земств. М., [190–].

²⁰ Самарин Ф. Д. Возражение депутатам Съезда земских и городских деятелей. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1905. С. 27.

Умиротворения во внутреннюю жизнь страны эти меры тоже не внесут из-за легитимации борьбы разных общественных сил, получивших статус партий, это только обострит отношения в обществе, а не приведет к объединению политических сил. Возможно, это нормально для первых лет существования парламента, но вряд ли это то, что нужно России именно сейчас.

Кроме того, Самарин указывал, что сторонники Земского собора не совсем правы, указывая на него как на исторически свойственную России форму представительства:

«В этом случае указывают обыкновенно в качестве образца на земские соборы московского периода нашей жизни. Но беда в том, что эти соборы не были учреждением в обычном смысле этого слова. Это было явление бытовое, не успевшее еще окрепнуть настолько, чтобы все его черты окончательно определились и чтобы оно связалось наглухо с народной жизнью. Его можно было бы воскресить, только воскресивши весь быт, весь уклад народной жизни XVI и XVII веков. Угадать, какую форму земские соборы приняли бы теперь, если бы не было перерыва предания, невозможно: в самой постановке вопроса кроется внутреннее противоречие. Ведь те самые исторические условия, которыми создана наша современная жизнь, были причиной того, что земские соборы прекратили свое существование, не успев развиться»²¹.

²¹ Переписка А. А. Киреева и Ф. Д. Самарина. С. 36–37.

Это один из самых сильных аргументов против идеи созыва Земского собора как законосоставительного органа, и примечательно, что озвучивает его представитель славянофильства. Аргумент от истории, таким образом, оказывается несостоятельным: раз в современности нет условий, которые необходимы для воссоздания Земского собора в его старинном виде, наоборот, много того, что препятствует, раз традиция прервана, значит, апелляция к прошлому не может быть аргументом в спорах о возможном введении представительства. Интересно, что в этом он оказывается гораздо ближе к старшим славянофилам, чем к своим современникам. А. А. Тесля в работе, посвященной славянофильскому консерватизму, отмечает, что, вопреки расхожим представлениям, прошлое не было для славянофилов тем идеалом, к которому надлежит вернуться:

«Прошлое оказывалось ресурсом воображения — но воображения, направленного в будущее. Если усреднить взгляды славянофилов, то схема русской истории к 1850-м годам виделась им следующим образом:

1) от изначальной „народности“, себя не сознающей, бессознательно выстраивающей должный социальный и политический порядок („Земли“ и „Государства“);

2) к петровскому периоду отчуждения между „Землей“ и „Государством“, отчуждения от собственных народных начал;

3) что должно привести к третьей фазе, начала которой можно видеть в самих славянофилах,

когда народные начала осознаются и происходит возвращение к должным отношениям „Земли“ и „Государства“, где помимо „народа“, функция которого хранительная, появляется „общество“, понимаемое как орган самосознания народа.

Отсюда мы видим, что приписывать славянофилам негативный взгляд на петровские реформы и в целом на „петербургский период“ русской истории правомерно только в том случае, если „негативность“ мы понимаем в философском смысле. Начиная со статей И. В. Киреевского славянофилы многократно подчеркивали, что „петербургский период“ был логичным и необходимым звеном. Другое дело, что он завершается, результаты, которых он мог достигнуть, получены и, по словам И. С. Аксакова, нужно „вернуться домой“. Таким символическим возвращением стал бы перенос столицы, о котором настойчиво заговорит тот же Аксаков в 1881 году, мысля его как поворотное событие, соединенное с созывом Земского собора и восстановлением правильных отношений „Земли“ и „Государства“. Иными словами, прошлое здесь значимо не само по себе, не в виде восстановления конкретных „московских форм“ быта, например, или царского обихода, а как принцип надлежащих отношений, идеал, который редко воплощался в прошлом, если вообще когда-либо воплощался, но который в прошлом выразился как выработанный обществом „идеал“»²².

У Самарина нет таких сложных теоретических рассуждений (или он не считал нужным их

²² Тесля А. А. Славянофильский «консерватизм»: между национализмом и либерализмом? // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С. 27–28.

52 приводить, подбирая значимые для собеседника аргументы), однако он понимал, что приверженность идее Земского собора зачастую объясняется обаянием самого термина, некоторой сентиментальной ностальгией по Московской Руси, свойственной, в том числе, и верховной власти. Славянофилам же нужно отказаться от него, от самой идеи созыва совещательного органа, могущего быть так названным. Земский собор, по его мнению, нужно «снять со знамени» славянофилов и не ставить даже как отдаленную цель, не требующую немедленной реализации: этот термин сейчас используется слишком многими, причем говорящие о нем часто затрудняются точно определить, что именно они под ним понимают. Понятие с таким размытым содержанием может быть оружием в политической борьбе, лозунгом, который может на короткое время объединить самые разные силы, однако, когда придет время пояснять, что имеется в виду, т. е. проводить конкретную реформу, выяснится, что внятного концепта «Земский собор» не существует, а в головах его сторонников живет либо смутное представление об отдаленных временах, когда царь и «народ» общались напрямую, либо они имеют в виду собственные цели. Славянофилам же следует избегать и тех, и других.

Итак, идею созыва Земского собора, такую привычную славянофилам, Самарин предлагает оставить. Что же он предлагает взамен?

По его мнению, основная причина большинства современных проблем, стоящих перед монархией, состоит в упомянутом выше *отсутствии доверия* между обществом и властью:

«Действительно, как бы ни была сильна и тверда верховная власть, она может оказаться неспособной управлять страной и пасть жертвой внутреннего бессилия, если тот общественный класс, который служит ей орудием, без которого она не может обойтись, ибо через него она правит, — если этот класс относится к ней враждебно или хотя бы отрицательно и все лучшие надежды связывает с переменой „режима“. У нас так и есть: общество, а с ним вместе и правящая бюрократия убеждены, что с самодержавием несовместимы ни свобода совести, ни свобода личности, ни законный порядок управления»²³.

Именно в этом, в убеждении, что «с самодержавием несовместимы ни свобода совести, ни свобода личности, ни законный порядок управления», а не в неэффективной работе или злонамеренности бюрократии Самарин видел проблему, требующую немедленного разрешения. Если не исправить ситуацию, любые другие реформы, инициированные монархом, не только не встретят одобрения в обществе, но и будут истолкованы как уступки и использованы как орудие в борьбе против власти. Пока же общество уверено, что исторически сложившаяся в России форма государственной власти — это зло,

²³ Переписка А. А. Киреева и Ф. Д. Самарина. С. 39–40.

54 а бюрократия²⁴ убеждает монарха, что любые перемены в существующем порядке направлены против самого принципа монархии, понимания между ними не будет.

Самодержавная власть может вернуть доверие общества, удовлетворив его потребности в свободе, и это было бы мягким, не радикальным выходом из политического кризиса:

«Нормальные отношения между обществом и властью восстановятся лишь после того, когда общество убедится, что те стеснения личной свободы, которые оно теперь испытывает, тот произвол, от которого оно так страдает и которым так тяготится, вовсе не вытекают из самого существа самодержавия и могут быть вполне устранены без перехода к так называемому конституционному строю, а верховная власть придет к сознанию, — и внушит это своим слугам, — что предоставление возможно более широкой личной свободы и обеспечение законности в управлении не только не противоречит ее интересам, но даже служит вернейшим залогом ее прочности и наилучшим обеспечением против всякого рода революционных стремлений»²⁵.

²⁴ Здесь Самарин отмечает, что бюрократия действует не из недобрых побуждений: просто высшие чиновники вполне разделяют господствующее в обществе недоверие к власти, а поскольку по долгу службы они считают себя обязанными стоять на стороне власти, то подозрительно относятся к тем, кто предлагает какие-либо реформы, считая их потенциально опасными для режима, которому служат.

²⁵ Там же. С. 40.

Права и свободы личности, гарантированные самодержавной властью, дадут, по мнению Самарина, возможность нормализовать отношения между обществом и властью. Такие реформы, по мнению Самарина, дали бы возможность разрешить существовавший кризис без революции и одновременно без введения представительных учреждений.

Как уже говорилось ранее, по мнению Ф. Д. Самарина, современное ему русское общество нуждалось в предоставлении большего количества свобод: в большей свободе вероисповедания, в ограничении частных лиц от административного и судебного произвола, которое должно быть гарантировано законодательно. Он писал, что верховная власть, какой бы сильной и уверенной в своем могуществе она ни была, может оказаться в ситуации, когда она окажется неспособна управлять страной, поскольку основная масса населения будет относиться к ней враждебно и ожидать перемен.

Самарин считал, что одной из серьезнейших проблем Российского государства является то, что и общество (по крайней мере, образованная его часть), и бюрократия убеждены в том, что с самодержавной властью никаким образом не могут быть совмещены ни свобода совести, ни свобода личности, ни законный порядок управления. Однако же, писал он, самодержавная власть вполне совместима с тем уровнем свобод, которые требуются российскому обществу,

56 более того, власть, которая об этом забывает, перестает восприниматься обществом как самодержавная.

Самарин считал, что обществу необходимы законы, которыми обеспечивалась бы *неприкосновенность личности, свобода совести и свобода слова*. Свобода совести могла бы быть обеспечена следующими мерами:

«Надо отменить все кары, которыми закон теперь грозит духовным лицам других исповеданий за совершение таинств и обрядов над лицами, официально причисленными к православному исповеданию, и за пропаганду своей веры. Наконец, необходимо было бы упразднить духовную цензуру, предоставив кому следует привлекать к законной ответственности лишь за оскорбление веры и церкви. Само собой разумеется, что в связи со всем этим должны были бы прекратиться и разного рода административные меры, направленные к стеснению религиозной свободы или к насильственному ограждению „господствующей“ церкви»²⁶.

В отношении личной неприкосновенности, по мнению Самарина, необходимо ограничить полицейский произвол в части обысков и арестов лиц, кажущихся им подозрительными. Полицейская власть не должна зря, без достаточного основания, подвергать этому тех, кого считает нужным, зачастую даже не объясняя, что происходит, и не считая нужным оправдываться

²⁶ Там же. С. 56–57.

в своих действиях, даже если в итоге окажется, что человек был ни в чем не виноват:

57

«Каждому лицу, у которого производится обыск или которого арестуют, следовало бы предъявлять сущность взводимого на него обвинения, предоставляя ему возможность оправдываться; на все подобные меры следовало бы дать возможность приносить жалобы какому-либо, хотя бы специальному, суду; всякому лицу, так или иначе привлеченному к делу и не подвергнутому никакому взысканию ни в судебном, ни в административном порядке, надлежало бы, по прекращении о нем дела, объявлять о состоявшемся решении, и притом также с правом обжалования или даже с правом требовать судебного разбирательства, чтобы снять с себя всякое подозрение и освободиться от полиц[ейского] надзора. Наконец, в тех случаях, когда почему-либо не признается возможным направить дело для разрешения судебным порядком, общими судебными местами, не следовало бы все-таки разрешать его исключительно путем канцелярской переписки или путем тайных соглашений между ведомствами и учреждениями. Здесь необходимо было бы своего рода судебное разбирательство. Пусть дела эти ведаются какими угодно учреждениями, специально для того созданными, лишь бы только соблюдались следующие условия:

1. Дело должно разбираться устно в присутствии самого обвиняемого и нескольких свидетелей или понятых (пусть даже в понятые берутся только люди, состоящие на правительственной службе, напр[имер], офицеры),

- и 2. Обвиняемому должно принадлежать право жалобы в высшую инстанцию как по существу, так

58 и в отношении несоблюдения формальных требований закона»²⁷.

Меры, которые должны обеспечить свободу слова, Самарин также намечает схематически, говоря скорее об общих принципах, а не о конкретных действиях:

«Самое главное, что требуется, это изъять людей пишущих и говорящих из-под зависимости от произвола администрации, той самой администрации, которую они, мож[ет] б[ыть], критикуют, и предоставить над ними власть учреждениям коллегиальным, действующим на основании закона и ни от какого ведомства не зависящим. При этом порядок производства дел должен бы быть также судебный, т. е. устное разбирательство с правом обвиняемого давать объяснения и обжаловать решения в инстанционном порядке»²⁸.

Преобразования, о которых писал Самарин, должны были, по его мнению, укрепить авторитет царской власти, вернуть ей доверие общества. Отмена Положения об усиленной и чрезвычайной охране от 1881 года, прекращение бесконтрольных и оскорбительных для людей обысков и арестов, введение фиксированного порядка судопроизводства по политическим преступлениям (и особого суда для органов печати), отмена преследования по конфессиональному признаку, упразднение духовной цензуры были необходимы, поскольку «охранительная

²⁷ Там же. С. 57–58.

²⁸ Там же. С. 58.

политика» скорее «плодила революционеров», чем защищала государство.

59

Кроме того, Самарин предлагал и административные реформы: административную децентрализацию, ежегодный отчет министров в Государственном совете, открытая публикация ими программы своей деятельности на год, из которой можно было бы узнать предполагаемое направление работы ведомства, формирование рабочих «экспертных комиссий» при правительстве. Он также считал полезным, чтобы все правительственные действия, не исключая тех, которые получили одобрение верховной власти, могли свободно обсуждаться обществом и чтобы такая критика не рассматривалась как действие злонамеренное и направленное к подрыву власти.

Как уже было сказано, взгляды Ф. Д. Самарина вступали в противоречие с господствовавшими в среде его соратников по славянофильскому движению представлениями о необходимости возрождения Земского собора как наилучшего варианта совещательного органа при царе. По его мнению, собор, созданный в начале XX века, силами дворянства и интеллигенции неизбежно переродился бы в законодательное собрание:

«Не подлежит сомнению, что термин этот значительно облегчил бы введение у нас представительных учреждений: все нерешительные, колеблющиеся элементы, все умеренные люди скорее соединятся под флагом Земского собора, чем под

другим, более прямо и резко выражающим идею участия народа в государственном деле; да и сама верховная власть, если бы обстоятельства ее вынудили или она сама пришла к убеждению в необходимости подумать о перемене „режима“, тоже, вероятно, скорее решилась бы идти по пути, который, по-видимому, устраняет опасность резкого разрыва с прошлым, и сулит даже как будто не расшатать порядок, веками выработанный, а укрепить его, подложив под него новое основание. Вот почему я считаю этот термин опасным в настоящее время и могущим породить недоразумения. Самая его неопределенность, неясность и спорный характер того учреждения, которое им обозначается, помогли бы объединиться и сойтись на нем таким элементам русского общества, которые иначе едва ли станут действовать заодно в политических вопросах. Такой союз оказался бы на руку, конечно, только тем, которые в Земском соборе видели бы первую ступень конституционных учреждений, первый шаг по пути к парламентаризму»²⁹.

Итак, конституционный режим был для Самарина неприемлем, как и любые другие радикальные меры. Он был сторонником таких преобразований (которые, в общем, могут быть названы либеральными), которые совершаются «без шума и треска», путем внешне мелких реформ, которые как будто бы вызваны соображениями практической целесообразности и не являются частью масштабной программы преобразований. Стремление же к реформированию

²⁹ Там же. С. 37–38.

государственного устройства Российской империи на конституционных началах, введение какого-либо законосовещательного органа — это ошибочное стремление, основанное на неверных предпосылках. Оно особенно опасно в условиях, когда власть не пользуется доверием общества и не может чувствовать его безусловную поддержку.

В первые годы XX века Ф. Д. Самарин довольно много писал также о земских реформах, об отношениях губернского и уездного земства и их возможных политических амбициях³⁰, о земских школах, о земельной реформе и должной организации крестьянского землевладения³¹. В них он выступал за защиту исторически сложившихся в России форм земельных отношений

³⁰ Мнение гласного Богородского уездного земского собрания Федора Дмитриевича Самарина по вопросу о взаимных отношениях губернского и уездных земств. М., [190–]; *Самарин Ф. Д., Бартенев Ю. П., Берендтс Э. Н.* Отзыв на записку г.г. губернских предводителей дворянства: [О полит. программе губернских предводителей дворянства. М.]: Тип. И. В. Шубина, ценз. 1905 и т. д.

³¹ *Самарин Ф.* К чему приведет указ 9 ноября 1906 г.? М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1909; *Самарин Ф.* О юридических последствиях отмены выкупных платежей по Манифесту 3 ноября 1905 г. : (По поводу указа 9 нояб. 1906 г.). М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1908; *Самарин Ф.* Еще о юридических последствиях отмены выкупных платежей : Ответ А. П. Никольскому. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1908; *Самарин Ф.* Указ 9 ноября 1906 года и Положение 19 февраля 1861 года: [Разъяснение]. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1908 и т. д.

62 и общественного уклада, против народного представительства (и против введения представительных органов вообще).

Также Самарин выступал против обращения земли в личную крестьянскую собственность, утверждая, что в ситуации, когда в большинстве случаев нет документально зафиксированных результатов прежних переделов, а только воспоминания самих крестьян, это не сможет привести к справедливым решениям. В таких условиях нет возможности обеспечить сохранение крестьянских прав на землю и охрану этих прав, так как у любого решения, которое облекут в закон, не будет прочной документальной или исторической основы³². Сложность реализации загубит эти начинания вне зависимости от того, хороши они или плохи.

В предисловии к первому тому «Собрания статей, речей и докладов» своего отца, Дмитрия Федоровича Самарина³³, Федор Дмитриевич писал, что повинность, которую крестьяне отбывали за право пользования земельными наделами при крепостном праве, не была арендной платой за землю. Крестьяне не были арендаторами помещичьей земли, их право пользования землей не было основано на гражданско-правовом

³² Самарин Ф. К чему приведет указ 9 ноября 1906 г.? С. 3–11.

³³ Самарин Д. Ф. Собрание статей, речей и докладов. Том первый. Крестьянское дело. М., 1903.

договоре, а было частью повинности. Наделение крестьян землей также не было результатом добровольной сделки их и помещиков, а было принуждающим действием государственной власти. Следовательно, выкупные операции, производившиеся после 1861 года, не могли быть выкупом земли, а только выкупом повинности:

«Таким образом, и в настоящее время право крестьян на земельный надел основывается не на покупке, а на отводе его властью государства, и надельная земля имеет характер собственности общественной»³⁴.

Надел отводился крестьянину в пользование навсегда и становился мирской землей, а право крестьян на землю не следовало из факта уплаты выкупных платежей, а было установлено Положением 1861 года.

Выкупные платежи, которые устанавливались исходя не из рыночной стоимости земли, а из дохода крестьян (что еще раз подтверждало, что это «выкуп» повинности), следовало постепенно отменить, землю оставить в общинной собственности, так как у общины есть на нее юридические права: во-первых, земля, как уже говорилось, изначально была дана «миру», а не отдельным крестьянским семействам, а во-вторых, даже договоры выкупа заключались с общинами, а не с отдельными собственниками. Отдельные домохозяйства имеют только

³⁴ Там же. С. VII–VIII.

64 право пользования землей, а не право собственности³⁵.

Кроме того, произвольно (а иначе, как произвольно, просто не выйдет, ведь, по мнению Самарина, любые изменения будут противоречить сложившимся обычаям!) менять сложившийся крестьянский уклад попросту опасно:

«Изменить коренным образом веками сложившийся народный быт, сломить стародавние привычки, произвести переворот в нравах, связанных с формами быта — на все это не хватило бы силы даже у власти, пользующейся безусловным доверием народа, привыкшей встречать беспрекословное повиновение и не колеблющейся применять самые крайние средства для достижения своих целей»³⁶.

Народ, крестьяне — это те, на ком покоится могущество Российской империи, та сила, которая придает устойчивость ее государственному строю, и существует эта сила в неразрывной связи со всем укладом народной жизни, в том числе — с особенностями землевладения³⁷. Разрушив этот уклад, правительство

³⁵ Самарин Ф. Д. О мирской надельной земле: Замечания на статьи Б. Н. Чичерина по поводу пересмотра законодательства о крестьянах. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1902. С. 21. Более подробно эта тема разобрана им в записке «Создано ли выкупом право личной собственности крестьян на их надельные земли?» (М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1908).

³⁶ Там же. С. 13.

³⁷ Там же. С. 75.

фактически уничтожит крестьянство, смешав его с остальными слоями общества и лишив себя последней опоры и поддержки. Это может быть на руку тем, кто добивается упразднения самодержавия в России, но не его сторонникам.

В целом же, с точки зрения Самарина, само по себе принятие какого-либо закона не способно изменить веками складывавшееся положение дел, а закон, не опирающийся на нравственные основы общества, не будет иметь силу и не создаст новый жизнеспособный феномен, даже если он будет поддерживаться принудительной силой государственной власти. Такой закон не приведет к глубоким, органическим изменениям в обществе или народной жизни. Они должны назреть сами, и тогда волей власти они должны быть зафиксированы в законе. Собственно, те реформы, направленные на установление свободы совести и слова, а также на защиту личной неприкосновенности, о которых Самарин писал Кирееву, как раз таковы: это то, что нужно обществу, отсутствие чего оно полагает несправедливым и оскорбительным для себя. Они удовлетворяли уже назревшие в обществе потребности, которые разделяются всеми, в отличие от потребности участвовать в государственном управлении:

«действительной потребности руководить государственными делами у нас, мне кажется, нет, а есть только весьма общее и неопределенное недовольство нынешним положением и ходом

66 дела, есть охота критиковать то, что делается, не принимая на себя никакой ответственности ни за критику, ни тем более за какие-либо положительные предложения. У нас нет ведь даже такого общественного класса, который мог бы взять власть в свои руки и стать деятельною опорой правительства или, при случае, оказать ему активное противодействие не политиканства ради, а для проведения своей определенной положительной программы»³⁸.

Государство может развиваться гармонично только при условии сохранения исторической преемственности и проведения необходимых преобразований, которые будут органичны прошлому страны. Поэтому теория разделения властей Самарину также не кажется применимой на практике. Но, с другой стороны, самодержавию не обязательно должно быть с неизбежностью свойственно все то, что связывают с ним в России. Самодержавие, по его мнению, не предполагает ни отождествления с правительством, ни права произвольно вмешиваться в текущие дела ради собственной выгоды или сиюминутного интереса. Самодержавие — это не абсолютизм, оно вполне совместимо с той степенью личной и общественной свободы, которые необходимы русскому обществу. Более того, достижение этих свобод позволило бы обществу относиться к власти и существующему политическому строю намного более

³⁸ Переписка А. А. Киреева и Ф. Д. Самарина. С. 59.

лояльно, выйти из состояния постоянной оппозиции и стать способным к совместной с властью работе.

67

* * *

Самарин был последователен в отстаивании своих взглядов. Критикуя земских деятелей за увлечение политикой, равнодушие к самому земскому делу, он писал, что даже неидеальная имперская бюрократия оказывается на их фоне более эффективной. Политической системе Российской империи необходимы реформы, которые должны обеспечить неприкосновенность личности, частных интересов, обеспечить свободу совести, слова. В таких нововведениях было заинтересовано и общество, и власть, которой следовало задуматься о самосохранении. Между неограниченной свободой, которую желали многие сторонники реформ, и полным ее отсутствием, по мнению Самарина «есть немало ступеней», и правительство вполне могло бы найти именно ту меру свободы, которая была бы необходима России. Отказываясь это делать, власть сама «плодит революционеров» и недовольных режимом.

Введение же представительных учреждений в России в начале XX века было, с точки зрения Ф. Д. Самарина, опрометчиво и опасно. Общество требовало реформ, но не могло сформулировать даже единого варианта того, каких

68 именно реформ оно хотело. В этих условиях путь, который предлагал Самарин, был способом обеспечить правительству поддержку тех слоев общества, которые, с одной стороны, не сочувствуют революционному движению и не желают смены режима, а с другой, не могут безусловно поддерживать самодержавную власть, допускающую явный произвол в отношении подданных, подавляющую всякое свободомыслие как заведомо злонамеренное. Если власть желает получить поддержку со стороны общества, она должна позволить ему иметь собственный голос, право высказывать свое мнение и обсуждать действия правительства в печати — и тогда она получит не только лояльность, но и ту самую обратную связь, которая будет возможна и без созыва Земского собора.

Метафизика православной власти Дмитрия Алексеевича Хомякова

Для Дмитрия Алексеевича Хомякова — богослова, филолога, педагога, историка и публициста — как и для Федора Дмитриевича Самарина, славянофильство было семейной историей. Он родился 7 сентября 1841 года в Москве, в семье одного из основоположников славянофильства — Алексея Степановича Хомякова, был его сыном. Он окончил историко-филологический факультет Московского университета, затем, продолжая дело отца, подготовил к изданию собрание его сочинений, уделяя много внимания сохранению наследия своего отца, уточнению нюансов его биографии, переводу, изданию, истолкованию и разъяснению его сочинений и переписки¹. Хомяков-младший активно участвовал в земском движении, занимался благотворительностью, основал и содержал образцовые народные училища в своих имениях, был почетным блюстителем

¹ Каплин А. Д. Предисловие // Православие. Самодержавие. Народность. С. 7.

70 (попечителем) других школ, расположенных в ближайших волостях Тульского уезда. Он неоднократно был избран в члены Тульской уездной земской управы и Губернского земского собрания, а также в мировые судьи и почетные мировые судьи.

В конце 1890-х годов Хомяков был директором Строгановского центрального училища технического рисования, находившегося в ведении Министерства финансов по Департаменту торговли и мануфактур, также был председателем Совета этого училища.

С 1905 года Хомяков был членом «Кружка москвичей» и основателем Союза русских людей, был близок к участникам Кружка ищущих христианского просвещения, переписывался с К. Н. Пасхаловым и, несомненно, был значимой частью славянофильского движения. Умер Хомяков 5 марта 1919 года, похоронен в Даниловском монастыре.

Как представитель славянофильского направления, Хомяков считал своим долгом развивать учение отца, он часто выступал с разъяснениями относительно тех или иных трактовок богословских воззрений славянофилов. Его политические и культурологические взгляды определяло его религиозное мироощущение, его целью было «сохранение религиозных основ жизни русского общества». Хомяков был последовательным сторонником и защитником русского самодер-

жавия, считая, однако, что в триаде «Православие. Самодержавие. Народность» главным является все-таки православие², поскольку его бытовое, культурное и этическое значение является подоплекой других сфер жизни русского народа (социальной, экономической, культурной и т. д.).

Поэтому, разбирая его политические идеи — отношение к самодержавной власти, роли и значимости государства в жизни людей, — необходимо сначала обратиться к его взглядам на русское православие.

«Русский народ в области веры живет Православием, в области государственной — держится Самодержавия, а в области быта крепок своей Народностью»³ — писал Хомяков. И без этих начал, только понятых не в смысле бюрократическом или абсолютистском (как оправдание государственного произвола и идеи того, что монарх в любом случае является нравственным авторитетом), а правильно, невозможно обойтись в государственной или общественной жизни. «Правильно» — это в славянофильском ключе.

Церковь — это соединение людей «как православных», а сложность с этим объединением в том, что любое государственное образование по отношению к ней будет «низшим». Однако,

² Хомяков Д. А. Православие (как начало просветительно-бытовое, личное и общественное) // Православие. Самодержавие. Народность. С. 25.

³ Там же. С. 35.

72 рассуждая о «чистом» православии, Хомяков делает значимую оговорку:

«Православие в смысле абсолютном может стоять только „о себе“ и исключает возможность союза с какой бы то ни было государственной задачей и даже с какой-либо национальной. Православие всемирно, превыше государств и народов; оно не отрицает ни государственности, ни народности, но не соединяется ни с чем... Действительно — Православию безразличны и республика, и абсолютизм, и конституция: и оно в этом отношении же может довольствоваться средой совершенно космополитической, оставаясь все-таки же незыблемым учением. Но раз его вводят в мирозерцание, в котором есть еще другие факторы, то надо признать, что дело идет не о нем, понимаемом как „чистое вероучение“, а как его, так сказать, эманации, его проявлении в жизни народа, выражающего себя как народ русский и держащегося при этом самодержавной формы правления»⁴.

Итак, православие необходимо каким-то образом увязать с гражданственностью и самодержавием, причем таким образом, чтобы оно не выродилось в пустую бюрократическую доктрину. Хомяков предлагает исследовать православие как *мировоззрение*, которое вытекает из восприятия русским народом православия как веры, а не как церковного учения. Русский народ, по мнению Хомякова, воспринял православие еще в IX веке, став «единственным в мире

⁴ Там же. С. 39.

чисто христианским народом»⁵. С принятия христианства начинается история русского народа, основные добродетели, признаваемые им таковыми, являются именно христианскими (евангельскими), и эта вера была принята большинством народа без внутреннего сопротивления. Оставив в стороне то, насколько Хомяков был прав или не прав в том, что касается истории христианизации Руси, отметим, что христианская вера, по мнению Хомякова, является сутью души русского народа, в этих самых душах могут существовать какие-то «вне христианские» остатки, но «по природе» своей это христианские души. У такого понимания себя православным народом есть интересные политические последствия в части дискуссии о том, что значит быть русским. Для Хомякова, разумеется, русский — это православный:

«Русский народ назвал себя „православным“ только в этом смысле, но этим он предрешил весь характер своего просвещения и, так сказать, всю свою историческую программу: со времени принятия Христианства для русского народа одна цель исторической жизни, как народа, — осуществить, по возможности, Православие в вере и в жизни; пока он другой не понимает; и это ясно доказывается тем, что он охотно протягивает руку только единоверцам, совершенно игнорируя, например, единоплеменность»⁶.

⁵ Там же. С. 54.

⁶ Там же. С. 61.

Православие — это вера свободы, она освобождает душу, в том числе от национальных ограничений, дает возможность служить общечеловеческим идеалам и ставить все земные цели и задачи человека в земной жизни в зависимость от того, что согласно с верой или противно ей. Если другие народы пожелают присоединиться к русской культуре, к православной вере, они могут стать частью русской государственности⁷.

Истинно православный человек, озабоченный духовными проблемами и воспринимавший политику как сферу жизни, имеющую сугубо прикладное значение, не стремится к власти, считая ее бременем, а не привилегией. Наилучшая форма государственного устройства для него — это самодержавие, т. к. оно не требует от человека активного участия в управлении страной и вообще в политической жизни.

Этот второй элемент триады — самодержавие — также подробно исследуется Хомяковым. Он пишет, что самодержавие (или единодержавие) в простых формах встречается в истории всех народов на ранних этапах развития их государственности, но постепенно оно заменяется другими, более сложными формами государственной жизни⁸.

⁷ Там же. С. 73.

⁸ Хомяков Д. А. Самодержавие (опыт схематического построения этого понятия) // Православие. Самодержавие. Народность. С. 155.

В России же царь и народ долго были едины, между правителем как головой и народом как членами тела государства существовала живая, органическая связь (вдохновенная православной верой), и поэтому понадобилась серьезная встряска в виде петровских реформ, чтобы разрушить эту связь: заменить свойственную русскому обществу самодержавную форму правления совершенно не свойственным ему западным абсолютизмом, привнеся «к нам власть ради власти, автократорство ради самого себя, самодовлеющее»⁹. Такая форма единовластия, по мнению Хомякова, уже не является *истинным самодержавием*. Это было «императорство», личный произвол, возведенный в принцип власти, абсолютно искусственный, не соотносящийся с традиционными для России формами управления. Абсолютизм, не понятый и не поддерживаемый народом, «отгородился» от народа бюрократией, создав сложный государственный механизм, который нуждается для своего функционирования во всё большем количестве чиновников, «разрастаясь» и «опутывая, как плющ, как Царя, так и народ, благополучно друг от друга отрезанных петровским началом западного абсолютизма»¹⁰. Здесь мы видим уже знакомую нам идею «бюрократического средостения», о которой писали многие славянофилы,

⁹ Там же. С. 159.

¹⁰ Там же. С. 166.

76 и которая, по их мнению, мешает непосредственному общению царя с народом. Самодержавие, по мнению Хомякова, по природе своей всегда считало себя ограниченным, а безграничным, абсолютным, только условно (каким бы ни было по форме), в пределах той ограниченности, которая происходит из ясного осознания монархом начал народности и церкви.

В отличие от него, абсолютная власть монарха всегда стоит перед опасностью бюрократического произвола, которое является «средостением», сплетающим нити государственного управления так, что разобраться в них могут только сами чиновники. После петровских реформ такая система установилась и в России, а истинные представления о самодержавии остались только в народных умах, которые до сих пор мыслят самодержавного монарха как единого с народом выразителя общенародной воли.

Говоря о петровских реформах, Хомяков отмечает также еще одно важное их следствие. Церковная жизнь в древней Руси была, по его мнению, так тесно связана с гражданской жизнью народа, что церковное управление происходило «на глазах у всех». Оно не было чем-то таинственным и закрытым от посторонних глаз. Петровская же реформа разорвала эту органическую связь и с тех пор верующий народ и церковные иерархи живут «двумя разными жизнями». До Петра не было отдельного духовного сословия, и сословное разделение не стояло

«средостением» между народом и пастырем, а после образования Синода и возникновения обер-прокурорства пастырь стал государственным бюрократом.

Это противоречит и сути православия, и тому типу самодержавной власти, который изначально был соразмерен России, русскому народу — это самодержавная власть, в основании которой лежит вера, православие, которое *внутренне само ограничивает себя* представлениями о вселенской правде, о благе и правде. Русский народ, «живущий верой и бытом», твердо стоит на принципе самодержавия, предполагающем, среди прочего, отстранение от участия в политической жизни, в которой видится лишь «необходимое (или неизбежное) зло». Бремя управления возложено на правителя, как на избранное и жертвующее собою для общего блага лицо, т. е. царя,

«за что и воздает ему и честь, и любовь, соразмерную с величием его царственного подвига, понимая всю одного тяготу, нисколько не умаляемую всеми внешними атрибутами блеска и роскоши, которыми оно облечено, как средоточие земного величия с его земной помпой. При таком духовном состоянии народа, или, точнее, при таком настроении народного духа, не может быть места подозрению между властью и им. Народ *не подозревает власть в наклонности к абсолютизму, ибо он считает власть органическую частью самого себя* (курсив мой. — М. М.), выразительницей его самого, неотделимой от него; и по тому самому ему не придет никогда в голову мысль об ее формальном ограничении, пока он не поймет

возможности того, что власть может от него отделиться, стать над ним, а не жить в нем»¹¹.

Самодержавие — это активное самосознание народа, сконцентрированное в одном лице (правителя), поэтому истинно самодержавное правление не ограничивает свободу людей именно потому, что власть ограничивает себя моральными предписаниями. Здесь Хомяков рассуждает вполне в русле западной средневековой теории христианской власти, предполагающей ответственность правителя за спасение души народа.

По мнению Хомякова, истинное самодержавие даже устраняет некоторые дурные стороны и недостатки представительного правления и вполне совместимо с ним. Главное его достоинство заключается в личной нравственной ответственности власти. В то же время Хомяков не считал, что представительное правление не может быть ответственным: этот принцип может быть выражен в нем хотя бы в ответственном министерстве. Однако самодержавная форма правления видится ему более подходящей.

При этом, по его мнению, ценность самодержавия заключается даже не в его собственных достоинствах, а в том, что оно является своеобразным симптомом духовного строя народа:

«Самодержавная форма правления возможна только у того народа, который почитает наивысшими не могущество, не утонченность

¹¹ Там же. С. 190.

политической системы, не принцип „обогащения“, а свободу быта и веры, свободу жизни, для достижения которой государство только орудие, и такое, прилепиться к которому — значит сделать средство целью. Раз же оно сделалось целью, оно, конечно, поработит себе человека и отвлечет его от той свободы, которая дорога человеку неизвращенному и которая есть прирожденная его потребность. Когда народ видит в государстве лишь средство, то, конечно, то, что он государством охраняет, для него важнее и дороже охраняющего. Что же может быть это высшее, что он государственной оградой только охраняет? Конечно — только вера, сохраняемая отвлеченно в душе и выражаемая конкретно в жизни — быт»¹².

Хомяков, вероятно, мог бы согласиться со словами А. А. Киреева о том, что русский народ «избавлен» от политики и не интересуется ею. По его мнению, для того, чтобы государственные вопросы занимали народ больше, чем его быт, «бытовая вера», необходимо, чтобы этой самой веры в нем значительно поубавилось:

«народ, живущий верой и бытом, твердо стоит на принципе Самодержавия, т. е. устранения от политиканства, в котором видит лишь необходимое (или неизбежное) зло, которое возлагает, как бремя, на избранное и жертвующее собою для общего блага лицо — Государя, за что и воздает ему и честь, и любовь, соразмерную с величием его царственного подвига, понимая всю одного тяготу, нисколько не умаляемую всеми внешними атрибутами блеска и роскоши, которыми оно облечено,

¹² Там же, С. 188

80 как средоточие земного величия с его земной помпой»¹³.

Таким образом, в идеальной ситуации подлинного самодержавия, персону правителя мыслится Хомяковым действующей ради общего блага, власть воспринимается им как бремя и обязанность, а не как привилегия. В этой ситуации власть не склоняется к абсолютизму, а народ воспринимает ее как органическую часть самого себя, как выразителя своих нужд и чаяний. В этом случае какие-либо формальные (правовые) ограничения признаются излишними, вполне достаточно внутренних нравственных ограничений самого правителя:

«ему не придет никогда в голову мысль об ее формальном ограничении, пока он не поймет возможности того, что власть может от него отделиться, стать н а д н им, а не жить в нем. Власть вполне народная — свободна и ограничена в одно и то же время: свободна в исполнении всего, клонящегося к достижению народного блага, „согласно с народным об этом благе понятием“; ограничена же тем, что сама»¹⁴.

Власть, понятая как бремя, а не как привилегия, является, по мнению Хомякова, краеугольным камнем христианского самодержавия. Важным моментом является то, что Хомяков, в духе апостола Павла и Августина Аврелия,

¹³ Там же. С. 195.

¹⁴ Там же. С. 198.

писал не о том, что священна власть как институт, но о внутренней сущности самодержавия, о его духовной, нравственной составляющей:

«святенность власти как института вообще, не имеет отношения к вопросу о значении Самодержавия, как такового. Но Самодержавие священно, так сказать, из себя, и эта его святенность как идея возможна лишь там, где и все и каждый видят во всяческой власти лишь бремя, а не вкусили „прелести“ ее»¹⁵.

При этом истинная самодержавная власть допускает общение с народом в виде *Земских соборов*, однако они, по мнению Хомякова, далеко не всегда могут быть удачным средством решения внутригосударственных проблем, иногда являясь лишь симптомом болезни — слабости власти и оторванности ее от народа. Истинно самодержавный правитель всегда найдет способ сохранить возможность общения с народом, при этом Земский собор — это только один из вариантов.

Как уже отмечалось ранее, Хомяков считал, что тот тип самодержавной власти, который изначально был соразмерен России, русскому народу — это самодержавная власть, в основании которой лежит вера, православие, которое внутренне само ограничивает себя представлениями о вселенской правде, о благе и правде. По его мнению, в большинстве европейских стран, принявших христианство, оно было адаптировано

¹⁵ Там же. С. 200.

82 к уже существовавшей там языческой культуре, в то время как на Руси ко времени принятия христианства языческие верования еще не сформировались в особую религию, поэтому русские — это народ, который изначально начал формироваться как христианский.

Эта вера стала для него определяющей:

«Истинная вера действительно есть субстанция народа, раз он ее усвоил. Так русский народ понял христианскую веру с самого начала, и только он смог так ее понять, потому что он, „благодаря своей своеобразной истории“, как будто ждал этого духовного света, чтобы осознать себя как народ и свою народность отождествить с верой»¹⁶.

Поэтому задачей русского народа является *осуществление христианского идеала на земле*. Это предполагает, в числе прочего, ответственность государства за материальное благополучие граждан, поддержку нуждающихся и вообще развитую социальную политику. Однако все реформы должны проводиться с учетом исторического опыта страны — поэтому, например, крестьянская община должна быть сохранена, потому что она, по мнению Хомякова, являлась стабилизирующим институтом, сглаживающим социальные противоречия.

Государство в России — это воплощение веры и традиций. Православное мироощущение русского народа является определяющим и в том,

¹⁶ Там же. С. 53.

каким должно быть государственное устройство, которое его «оформляет». Одна из задач государства — сохранение религиозных основ русского общества. Как и Д. Н. Шипов, Хомяков считал, что политические и правовые формы существования государства вторичны по отношению к тем задачам, для решения которых они существуют:

«Государство... — это явление этого мира, лежащего во зле, но не безусловно злое, а наоборот, условно благое, в меру возможности быть чему-либо благому в человеческой среде... Православный видит в нем лишь неизбежное явление помутившейся жизни падшего человечества, и, как к таковому, он относится к нему с той сдержанностью, с которой надо к нему относиться, и без чего обойтись нельзя»¹⁷.

Поэтому наилучшей формой государственного устройства, которая позволит православному человеку в наибольшей степени отрешиться от политических дел, является самодержавие.

Однако Хомяков считал, что таким образом дело обстоит только в России, и в других странах ситуация не обязательно будет такой же. Искусственное навязывание чуждых народу форм политического существования не приведет ни к чему хорошему. Каждый народ оригинален в своем государственно-церковном измерении, и принцип *народности* является основой любого

¹⁷ Там же. С. 82–83.

84 государства и общества. Народность — это индивидуальность народа, его духовный и душевный склад, его культура. Народность дает исторический народный тип, индивидуальный и интересный. И чем сильнее в народе развита эта самая народность, тем важнее и плодотворнее его роль в мировой истории. У каждого народа свой путь, поэтому копирование форм правления или государственного устройства не всегда полезны.

В отличие от Ф. Д. Самарина, Д. Н. Шипова и даже А. А. Киреева, Дмитрий Алексеевич Хомяков не предлагал конкретных вариантов государственных преобразований и развивал теоретические представления своего отца. Он выстраивал так называемую «метафизику власти», основанную на единстве царя и народа и противостоящую механистическому пониманию государства как аппарата управления. Разрабатывая свою теорию и историю самодержавия, Хомяков оставался идейно более близким к старшему поколению славянофилов, чем к своим современникам. Его взгляды интересны обоснованием различия между самодержавием и абсолютизмом. Самодержавная власть в его понимании представляла собой патриархальную власть правителя, ни в коем случае не являющуюся деспотической. Это олицетворенная (в прямом смысле) воля народа, и призвание самодержца состоит не в том, чтобы «творить свою волю», а в том, чтобы быть выразителем интересов и воли народа, его духовных потребностей,

его миропонимания. Самодержец неотделим от своих подданных, между ними нет никакого «средостения», его действия должны быть выражением народного духа. Поэтому власть и свободна, и ограничена одновременно.

Абсолютизм же основывается на силе, насилии, он подавляет и общественные инициативы, и народовластие. С точки зрения Хомякова, в реальности абсолютная власть часто подменяется бюрократическим произволом. Бюрократы — это просто управленцы, они ничего не знают о нуждах и чаяниях народа, в их задачи не входят размышления об общем благе, и именно к такому бюрократическому абсолютизму привели Россию петровские реформы.

Здесь мы снова встречаем все то же славянофильское стремление восстановить доверие и единение между властью и народом, без которого невозможно подлинное самодержавие.

Глава 3

Славянофильский идеал и возможность его воплощения: политические проекты генерала Киреева

Александра Алексеевича Киреева — генерала от кавалерии, политика, общественного деятеля, публициста, можно назвать типичным, просто-таки образцовым неославянофилом. Он пример того, как славянофильские убеждения постепенно вызревали в человеке, занимавшем высокий государственный пост, близком императорской семье и семье великого князя Константина Николаевича, идейно чуждого гражданской службе, но достаточно близкого к правящим кругам, хотя и не имевшим при этом прямого политического влияния. Он интересен и своими славянофильскими убеждениями, которые горячо пропагандировал до последних дней жизни (называя себя, в частности, «последним могикинином славянофильства»), тем, что рефлексировал над ними, отстаивал их правоту и значимость в споре с оппонентами — то есть был идейным и непоколебимым славянофилом. Кроме того, его близость к власти имущим давала ему возможность донести до них свою точку зрения, касающуюся

как теоретических вопросов (сути государственной власти, самодержавия), так и чисто практических (проектов Земского собора, устройства Государственной Думы, последствий конституционных преобразований и т. д.), причем чем дальше, тем больше внимания уделялось адаптации славянофильского «языка» к принципиально новым обстоятельствам, переосмыслению славянофильской доктрины как правового и социального учения¹. Исходя из всего этого, можно сделать вывод, что исследование его взглядов может дать если не целиком репрезентативную, то хотя бы типичную картину трансформации славянофильского учения в изменившихся общественно-политических реалиях.

По словам самого Киреева, позднее славянофильство — это приспособление идей «отцов-основателей» к современным условиям, их необходимая конкретизация в соответствии с новыми запросами времени². Поэтому, например, он не считал ни В. С. Соловьева, ни К. Н. Леонтьева славянофилами.

Александр Алексеевич Киреев родился 23 октября 1833 г. Его отец был хорошо знаком с семьей Аксаковых, Самариных, Хомяковых, так что, вероятно, со славянофильским учением

¹ Соловьев К. А. Генерал Киреев и его дневник. С. 17.

² Киреев А. А. Спор с западниками настоящей минуты // Киреев А. А. Учение славянофилов. С. 322–357.

88 А. А. Киреев был знаком с юности. Крестным отцом его был император Николай I. С 1853 г. Киреев служил в лейб-гвардии Конного полка, принимал участие в Крымской войне 1853–1856 гг. С 1856 по 1859 годы был вольнослушателем Петербургского университета, а также самостоятельно изучал философию, этику и богословие. В 1862 г. он был назначен адъютантом великого князя Константина Николаевича, с которым будут связаны следующие тридцать лет его жизни³. После смерти великого князя Киреев остался при дворе его вдовы и жил вместе с ее семьей в Павловском дворце⁴. В качестве публициста Киреев сотрудничал в изданиях «Русское обозрение», «Богословский вестник», «Церковные ведомости», «Московские ведомости», «Славянские известия», в 1872 г. участвовал в организации петербургского отделения «Общества любителей духовного просвещения», с 1904 года был почетным членом Московской духовной академии.

Киреев-политик был одним из создателей Петербургского Славянского комитета, а в 1905–1906 гг. входил в число лидеров политического объединения «Отечественный союз»⁵. Можно сказать, что до последних лет своей жизни он оставался активным общественным деятелем, автором самостоятельных политических про-

³ Соловьев К. А. Генерал Киреев и его дневник. С. 5.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 5, 8.

ектов. Умер он 13 июля 1910 года, в Павловске и был похоронен в родовом имении в Тамбовской губернии.

89

Политическая доктрина А. А. Киреева представляла собой учение об особом общественном устройстве России, которое предполагало также особый государственный порядок. В работе «Краткое изложение славянофильского учения» (1896 г.) он писал следующее:

«В чем заключаются идеалы, которым служило и будет служить Славянское Общество? Какие это идеалы? Это те же самые, перед которыми преклоняется и русский народ: *Православие*, понимаемое как сумма его этических взглядов, *Самодержавие* как выражение его взглядов политических, — и то и другое неразрывно и органически связанное с русскою *Народностью*, которая служит им сферой действия, и которой *они* служат высочайшим выражением! В самодержавии, — сказано далее в нашей „Исповеди“, — мы видим ту силу, которая собрала раздробленную Россию. Мы не только не желаем в каком бы то ни было направлении умаления самодержавной власти, не желаем никакого ограничения ее прав конституционными учреждениями, — напротив, мы желали бы ее усиления, и именно в отношении ее способности узнавать действительные нужды и желания народа; мы верим, что для сего ей следует быть в постоянном реальном общении с „землей“, с народом. Однако если бы при известных обстоятельствах самодержавная власть сочла уместным достоверно узнать мысль народа, посоветоваться с ним, как то бывало не раз Земских Соборах, мы, славянофилы,

90 желали бы, чтобы самодержавная власть не поступалась при этом своими правами в пользу каких бы то ни было сословий или партий»⁶.

По сути, это квинтэссенция его политико-правовых взглядов, которая, однако, требует подробного разъяснения.

Итак, по мнению Киреева, наилучшая для России форма управления — это самодержавная монархия. Под самодержавием он понимал полную, совершенно независимую от давления извне, единую и нераздельную верховную власть. При этом для современной ему России Киреев видел три пути дальнейшего развития самодержавной власти: в так называемое «бюрократическое», которое понимал одновременно и как полицейское государство, и как воплощение формулы «государство — это я» (довольно противоречивое заявление); в самодержавие славянофильского типа, описываемое формулой «много умов, одна воля» и предполагающее существование совещательного органа — Земского собора; в парламентскую монархию, которую называл самодержавием западного типа, описываемого формулой «много умов и много волей»⁷.

Российская империя долго шла по первому пути, а сейчас имела все шансы уйти на третий,

⁶ Киреев А. А. Краткое изложение славянофильского учения // Киреев А. А. Учение славянофилов. С. 30.

⁷ Там же. С. 49

и это Кирееву категорически не нравилось. Парламентаризм в любом виде, в том числе парламентскую монархию Киреев считал чуждой для России системой устройства власти, и ее критике посвящено немало места в его работах. Эту критику можно свести к трем основным пунктам:

Во-первых, существование упомянутого выше «бюрократического» государства, где между государем и народом стоят парламент и бюрократический аппарат, — это, по его мнению, одна из причин существующего в России кризиса самодержавной власти. Здесь Киреев выступает не только как теоретик, историк, исследующий «бюрократический строй, берущий начало от Петра Великого»⁸, но и как политик, претендующий на то, чтобы объяснять причины расшатывания основ самодержавной власти и лишения ее народной поддержки (так как голоса народа в этих условиях не слышно), а также к установлению конституционной монархии (что он считал безусловным злом, но об этом речь пойдет дальше). Кроме того, Киреев считал, что «бюрократическое» государство неустойчиво, так как не имеет твердой опоры на народ и образованное общество, оно окружено «многочисленными опасностями», главнейшая из них состоит в том, что «представители и слуги Верховной власти обыкновенно отождествляют себя с этой

⁸ Киреев А. А. Россия в начале XX столетия // Киреев А. А. Учение славянофилов. С. 371.

92 властью»⁹. Таким образом, это уже не самодержавная монархия как таковая, а состояние «многоволия», где каждый блюдет собственные или партийные интересы, а не государственные. Киреев писал, что во имя самодержавия нужно провести реформы, установить различные формы контроля над бюрократией, что будет способствовать обузданию произвола чиновников.

Во-вторых, Киреев считал страшным злом для России так называемое «падение в конституцию». По его мнению, никакая конституция не может спасти общество, находящееся на низком нравственном уровне, а писанные права и свободы не могут быть гарантированы в парламентском государстве, где всегда возможен произвол большинства. Поэтому Манифест 17 октября был воспринят им как крах всех надежд и чаяний славянофилов и символ наступления конституционного режима, как национальная катастрофа для всей России, непосредственным виновником которой Киреев считал С. Ю. Витте. В своем дневнике он писал по этому поводу:

«Правительство само себя похоронило как самодержавное; вместе с тем похоронено им и славянофильство как начало, нормирующее наш государственный уклад, выражающийся в монархии совещательного характера. Этого нам теперь не воскресить. Возвращение к политической истине, к добру — невозможно. С конституцией мы

⁹ Киреев А. А. Краткое изложение славянофильского учения. С. 55.

выходим в период упадка нашего государства, которое падет скорее Англии или Германии, может быть, даже скорее Франции. Падением я называю такое состояние государства, где правление захватывается большинством, вооруженным абсолютной силой, против которой нет апелляции и в котором мнение этого большинства признается не только юридически правым, но еще правым этически»¹⁰.

В этом высказывании вполне проявляется правовой нигилизм, отчасти свойственный всем славянофилам. Киреев писал, что если в обществе высоки нравственность, гражданское самощущение, чувство долга, оно обойдется и без заключения юридических договоров и принятия «бумажной», писаной конституции¹¹, достаточно тех законов, которые уже есть. Парламентское государство Киреев упрекал в подмене внутреннего этического принципа, который должен лежать в основании государственного устройства, внешним формально-юридическим. Схожие рассуждения мы увидим у другого славянофила — Д. Н. Шипова. По мнению Киреева, законы, оказывающие несомненное влияние на жизнь общества, должны приниматься исходя из устройства общества, а не наоборот. Соответственно, там, где люди живут «сознательно», понимая свои права и обязанности, общественная жизнь будет устроена хорошо и при плохих законах,

¹⁰ Киреев А. А. Дневник. 1905–1910. С. 103–104.

¹¹ Киреев А. А. Краткое изложение славянофильского учения. С. 52.

94 там же, где этого нет, никакая конституция ничего не изменит. Права и свободы не могут быть гарантированы подписанными хартиями о свободах или принятыми биллями о правах, поскольку данное правительством и парламентом может быть ими же и отобрано, если у этих свобод нет «гарантии», «укорененности» в общественном мнении и служении истине. Общественный прогресс, как бы мы его ни понимали, — это результат прогресса нравов, а не политического устройства или законодательства, не конституции.

Европейское общество Киреев, повторяя идеи основателей славянофильства, считал «искусственным», развивающимся путем переворотов, где нет живого начала, которое естественно и гармонически развивается, и которое не нужно сдерживать формально-правовыми запретами, поскольку они оказываются излишними. Это механическое объединение, а не органическое единство, которым является российское государство. Для западной истории, по его мнению, характерны борьба и завоевания, определившие границы и политическое устройство европейских государств. Частью такой борьбы за власть является и парламентаризм, который для Киреева является только лишь временным «перемирием между врагами»¹². Для России,

¹² Киреев А. А. Славянофильство и национализм: ответ г. Соловьеву / Учение славянофилов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 226.

по мнению Киреева, такой путь губителен, однако, даже пройдя по нему некоторое время (со времени установления бюрократического государства), она может вернуться на верный путь, то есть перейти к славянофильскому типу государства: самодержавной монархии с совещательным органом в виде Земского собора. Этот путь верный еще и потому, что исторически в России все было не так, как на Западе:

«Наши Государи — писал он, — нас не завоевывали, они были нами избираемы и утверждаемы добровольно; для установления и утверждения своего авторитета они не имели нужды становиться к народу во враждебные отношения. Поэтому у нас не было и повода к тем постоянным распрям и революциям из-за власти (сначала между государем и феодалами, а затем и между сословиями), которые служат характерной чертой западной истории»¹³.

Такое представление об истории российского государства предполагает, что самодержавная монархия в России имеет прочные основания, и задачи современной государственной политики состоят, в числе прочего, в том, чтобы не разрушить их неадекватными реформами.

В-третьих, Киреев считал, что парламентаризм как форма государственного устройства

¹³ Там же. С. 63.

96 исторически не свойственен России. Земский собор, о возвращении которого мечтали славянофилы, по мнению Киреева, принципиально отличался от западноевропейского парламента. Он не был органом власти и не обладал никакими законодательными функциями. Он имел право лишь советовать государю. Его члены представляли не нацию или партию, а «свое сословие с его бытовыми потребностями, частными проблемами»¹⁴. Парламентаризм же возникает в России как вырожденная форма бюрократизма, тот есть самодержавия первого типа:

«История доказывает несомненно и неоспоримо, что государство „бюрократического типа“ неустойчиво, фатально склоняется к изменению, к принятию другого типа; оно переходит в тип парламентарный; *так было во всей западной Европе*»¹⁵.

Таким образом, парламент и конституция — это последствия упадка самодержавной монархии, кризиса государственности, а не выражение прогрессивного развития политического устройства.

Кроме того, совершенно неприемлемым для Киреева является то, что парламентское большинство, у которого будет «и закон, и власть»,

¹⁴ Соловьев К. А. Генерал Киреев и его дневник. С. 12.

¹⁵ Киреев А. А. Краткое изложение славянофильского учения. С. 55.

сможет принимать законы по своему усмотрению, и эти законы будут обязательны для всех:

97

«Всякий закон, одобренный большинством парламента, делается уже священным, облекается таким же безусловным авторитетом, как любое желание татарского хана или любое мнение папы после Ватиканского Собора: он делается непогрешимым по той же причине, — потому что мнению или желанию большинства не существует противовеса, как не существует противовеса и желанию хана или папы!»¹⁶.

Данное высказывание вполне передает тот ужас, который испытывал Киреев перед парламентским государством. В других местах своих работ, где поднимается эта тема, он высказывался столь же эмоционально, называя его узаконенным эгоизмом и кощунством, возведенным в этическое начало. Естественно, никакие рациональные аргументы в пользу подобных преобразований не могли быть приняты во внимание.

Если говорить о тех проектах политических преобразований, которые предлагал Киреев, то начать стоит с того смысла, который он вкладывал в понятия *«народ»*, *«церковь»* и *«государство»* и как увязывал их в единую теоретическую конструкцию.

По его мнению, русское общество представляло собой исторически сложившееся единство

¹⁶ Там же. С. 59.

98 сословий, тесно связанных между собой и постоянно взаимодействующих. При этом русский народ отказался от политического бремени в пользу самодержавной монархии, ведь участие в политической жизни — это не то, что нужно народу, политика для него не самоцель, а только средство, и «политическое состояние» — не высшая ступень развития общества, высшая — это союз государства и церкви. Россия — это церковь в государственной оболочке, и именно церковь является носителем тех самых идеалов, которые являются основой и законов, и всей системы государственного управления.

«Самодержавие терпимо и благотворно (лучшая форма правления), — писал он в дневнике, — когда оно соединено с Церковью (органически) <...> Царю — власть, народу — мнение, но и то и другое под влиянием Церкви, носительницы религиозной истины и несокрушимых вечных идеалов»¹⁷.

Называя формально-правовой порядок «узаконенным эгоизмом, возведенным в этическое начало», Киреев писал, что этому нужно противопоставить христианское начало, проводя его в общественную жизнь. Церковь — носитель воли Божьей, высших этических идеалов.

¹⁷ *Сергеев С. М. Позднее славянофильство в контексте творческого традиционализма* // Образовательный портал «Слово». Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/41484.php> (дата обращения: 03.03.2016).

Правительство легитимно, а его действия законны, если власть является носителем нравственного прогресса. Таким образом, по мнению Киреева, власть государя должна быть основана не на правовых установлениях, а на этико-религиозных нормах, признаваемых всем обществом.

Как уже было сказано выше, Киреев писал, что на Западе отношения церкви и государства «нормируются враждой, на которой основана западная жизнь», поэтому союз их уничтожен и связь прервана. Это произошло из-за вмешательства их в дела друг друга, выход был найден формулой «свободная церковь в свободном государстве»¹⁸, однако, по мнению Киреева, это всего лишь камуфлирование проблемы «либеральной личиной», а не работающее решение. Он считал, что всеми идеалами, которых еще придерживается западное общество, оно обязано остаткам христианской нравственности. Иное дело русский народ:

«В Православии заключаются не только залог самобытного, духовного значения России, ее вселенского исторического призвания, но в значительной степени — и залог обновления и всего славянства. Не будет преувеличением сказать, что русский человек более, прежде христианин и сын Православной Церкви, нежели гражданин русского государства»¹⁹.

¹⁸ Там же. С. 21.

¹⁹ Там же. С. 30.

Народ позиционируется им как важный элемент общественной жизни, как «совещательный ум», который, однако, не участвует в государственном управлении. Здесь Киреев повторяет славянофильский тезис о так называемой аполитичности русского народа. В его концепции фокус внимания смещается с общества как самостоятельной ценности на религиозно-нравственные идеалы, носителем которых является народ. Киреев писал, что для русского народа государственные дела не представляют особого интереса, а действия правительства волнуют его только в том случае, когда касаются его духовных интересов, его веры. Увлечь его можно только этим, поскольку простое участие в политической жизни — это не то, что нужно народу, а «политическое состояние», как было сказано выше, — не высшая ступень развития общества, высшая — это союз государства и церкви, которая освящает его и дает ему авторитет.

Однако это не значит, что народ остается безразличным к действиям правительства, нет, он желает, чтобы его интересы были услышаны и учитывались.

«Русскому народу нужно правительство сильное и зрячее, при котором он бы мог свободно стремиться к самоусовершенствованию, к развитию своих этических, эстетических и научных сил, не тратя их на политиканство (посвятить себя

политике значило бы, по мнению нашего народа, принять средство за цель)»²⁰. 101

Интересна также и другая мысль Киреева:

«...государи могут вести свой народ к высшим гуманитарным целям, лишь мысля, чувствуя и идя в согласии со своими народами, угадывая их стремления, сочувствуя их идеалам, помогая неясным иногда чувствам перейти в сознание»²¹.

Эти романтические идеи предполагают, что в народе есть некая внутренняя потребность: в истинной религии, то есть такой, которая поддерживает в народе его стремление к добру, а также дает ему авторитетные, непререкаемые указания для разрешения его сомнений, помогает ему подняться после падений, но которая вместе с тем развивает в нем чувства самостоятельности и свободы, которая составляет необходимое условие его нравственного развития. Государь, монарх должен содействовать развитию и осуществлению этой потребности. Это, по мнению Киреева, верно и для русского народа, и для других, и для всего человечества.

При этом Киреев подчеркивал, что славянофилы не навязывают свое видение истории другим народам и народностям, потому что, по его мнению, подлинный, «правильный» национализм,

²⁰ Киреев А. А. Славянофильство и национализм. С. 229.

²¹ Киреев А. А. Краткое изложение славянофильского учения. С. 33.

102 состоит в том, чтобы признавать за каждой народностью, достигшей стадии политического самосознания и проявившей способность к самостоятельному существованию, право на самостоятельность. Чужое право, писал он, вещь священная и попираť его преступно. Однако если говорить о внешней политике, то защита православной веры для него была более важной, чем принцип национальностей. По его мнению, суть национализма состоит в том, чтобы

«каждая народность, достигшая полного политического самосознания и заявившая перед историей (заявляющая и в данное время) способность к самостоятельному существованию, действительно бы и существовала как отдельная, независимая народность»²².

На практике это может быть не совсем так, но суть именно в этом. Также славянофильские убеждения Киреева требовали единства православных славянских народов, но даже он осознавал, что это требование не может быть реализовано на практике (хотя и не отказывался от него).

Итак, у государя должна быть власть, у народа — сила мнения. Само существование самодержавной монархии в концепции Киреева оправдывалось целью, лежащей в ее основе, — стремлением воплотить в жизнь нрав-

²² Там же. С. 73.

ственные принципы русского православия. Монархия не должна быть ограничена законом, но только церковью и представлениями монарха о народном благе (которые он корректирует в ходе совещания с Земским собором). Необходимо отметить, что представления Киреева об интересах народа, отсутствии борьбы и противоречий между сословиями, разумеется, соответствовали скорее его идеальному представлению о слиянии народа и монарха в единую православную симфонию, чем реальному положению дел, а также основывались на славянофильских идеалах «юридически бесформенного» государства, в котором нравственные начала ставятся выше права и закона.

Учреждение Земского собора, законосовещательного органа — это один из ключевых пунктов проекта Киреева. Он видится генералу как наиболее эффективный инструмент постоянного совещания монарха со своими подданными. Это должен быть сословный орган, соответствующий исторически сложившейся, сословной организации русского общества. Напомним, что власть государя, по мнению Киреева, основана не на правовых установлениях, а на этико-религиозных нормах, признаваемых всем обществом. Для того чтобы «быть в курсе» этих самых норм, знать желания и чаяния народа, монарху необходимо постоянно советоваться с народом. Эти совещания и должны быть оформлены в виде Земских соборов, причем их Киреев противопоставлял

104 одновременно и тирании абсолютизма, и засилью бюрократии. При этом на Земский собор не было необходимости собирать всех подданных, достаточно было только представителей сословий, выразителей их мнений и идей. Это обеспечивало бы столь желанную для него «земщину без бюрократии».

«Работаю усердно над составлением охранительной партии — писал Киреев в 1905 году — 3 пункта: 1) Сохранение полностью „самодержавия“. 2) Освещение его советом З[емского] Собора и 3) Совещательный этот собор должен быть избираемым сословиями и группами людей. Следствием постановления этого вопроса является борьба (необходимая) с конституционализмом (и революционистами)»²³.

В Земский собор должны были входить представители крестьянства, духовенства, дворянства, они не должны быть назначаемы (иначе к ним не будет доверия), им должна быть гарантирована свобода при обсуждении любых вопросов и выражения мнения, причем результаты обсуждения должны быть опубликованы. Однако Киреев не забывал подчеркивать, что Земский собор — это способ, необходимый монарху для того, чтобы узнать мнение народа, посоветоваться с ним при необходимости, но не более (вспоминаем формулу «много умов, одна воля»). Он не имеет ничего общего с западноевропейским

²³ Киреев А. А. Дневник. 1905–1910. С. 48.

парламентом, так как не имеет власти, а только совещательный голос. Казалось бы, в таких условиях его значение и влияние должны быть минимальны. Однако, по мнению Киреева, самодержавие в России изначально основывалось не на насилии, а на общественном консенсусе, власть изначально стремилась к диалогу с народом, и именно для этих целей

«в XVI в. стали собираться Земские соборы, благодаря которым гармоничное взаимодействие царя и народа обрело институциональные формы. В период Смуты XVII в. отсутствие сильной, всеми признанной царской власти вынудило земскую Россию принять на себя ответственность за будущее страны. Земский собор января–февраля 1613 г. провозгласил начало новой династии и таким образом лишний раз подтвердил преданность русского народа монархическим началам»²⁴.

Благодаря Земским соборам взаимодействие царя и народа обрело нужные институциональные формы, а царская власть обрела легитимность. Все трагически изменилось в XVIII веке, когда самодержавие сменилось абсолютизмом, что противоречило сложившемуся сословному укладу. Абсолютизм был лишен народной поддержки, потому что опирался на бюрократию, которая довольно долго не имела никакой «почвы» под собой, то есть не была частью сословной системы, напротив, взламывала ее. Соответственно,

²⁴ Соловьев К. А. Генерал Киреев и его дневник. С. 11–12.

106 монарх в таких условиях не имел возможности привлекать к управлению страной лучшие силы всех сословий и плохо представлял себе настоящие потребности населения. Это приводило к принятию не всегда уместных законов и проведению реформ, которые также не находили поддержки в обществе. Решение этой проблемы Киреев видел в проведении ряда реформ, в том числе возрождение Земских соборов как приемлемой и знакомой русскому народу формы взаимодействия власти и общества.

Именно поэтому, по мнению Киреева, государю не нужно опасаться введения Земского собора как совещательного органа. Отчасти эти идеи соответствовали взглядам первых славянофилов (например, К. С. и И. С. Аксакова), однако Киреев не отказывался от них даже в первые годы XX века, в период существования Государственной Думы. Манифест о Государственной Думе он приветствовал, записав в своем дневнике: «Моя детская мечта осуществилась. Народу — совет, решение — царю. Славянофильская теория принята... Совещательное Самодержавие»²⁵. Государственную Думу Киреев называл способом непосредственной связи между народом и царем, разрушающим ненавистное ему бюрократическое «средостение». Его настрой поначалу можно было назвать осторожно-оптимистичным:

²⁵ Киреев А. А. Дневник. 1905–1910. С. 79.

«Наш дряхлый Polizei Staat, наш бюрократический уклад доживает свои последние не годы, а месяцы. У него два наследника: славянофильский уклад и конституционализм; очень важен вопрос — на чью сторону станут остатки бюрократической рати, наголову разбитой государственными (действительно весенними) актами 18-го Февраля»²⁶.

Общество, по его мнению, должно было поддерживать правительство, которое, в свою очередь, должно было с доверием отнестись к его выбору. Общественное мнение виделось Кирееву как инструмент диалога общества с властью, которое, при всех оговорках, все-таки имело право контролировать правительство и влиять на политический процесс.

Однако Манифест 17 октября и последующие конституционные преобразования Киреев оценивал скептически. Подводя итоги 1906 года, Киреев записывает в дневнике:

«Минувший год служит несчастным переломом нашей истории. Идеалы славянофильства, которыми мы, славянофилы, руководились, которые хотели передать не только России, но и всему свету, по крайней мере, всему славянству — погибают, если совсем уже не погибли. Хомяков видит *finis Rossia*. В том, что уничтожается община, да ведь все три устоя России — самодержавие, православие и народность — поколеблены до основания и едва ли снова утвердятся.

²⁶ Там же. С. 51.

108 Итак, *finis* нашей Russia, а иное может ли быть? Едва ли!»²⁷.

Киреев полагал, что в первой Думе, при опоре на монархистов или правых, мог быть реализован идеал земского самодержавия, а не западного парламентаризма. Но разочарование наступило достаточно скоро, и уже в 1907 году он с горечью писал в дневнике:

«Пишу Юзефовичу: славянофильская мечта распалась в прах, отлетела навеки! Я долго болезненно цеплялся за нее, за ее развалины, но вижу, что мы не в силах ее воссоздать. Она была близка к осуществлению 6-го августа 1906 года, 17-го [октября] ее убил сам Царь (руку его направлял мерзавец Витте). После роспуска Думы я писал Царю о необходимости изменить избирательный закон, иначе мы получим ту же Думу, что и первая (те же причины будут иметь те же последствия). Конечно, не послушался Царь, но после нынешних выборов нельзя рассчитывать на то, что бы мы излечились от конституционного сифилиса»²⁸.

Итак, после осознания невозможности осуществления славянофильского проекта, Киреев не видел другого пути для России, чем конституция и революция.

В стране не было политического центра, из которого могло бы осуществляться управление во имя общего блага, основанное не на насилии

²⁷ Там же. С. 184.

²⁸ Там же. С. 189.

или разделении общества на борющиеся партии, 109
а на общественном консенсусе. Альтернативой
славянофильскому проекту (как он его понимал),
являлось «падение в конституцию», кризис само-
державия, а возможно, и упразднение его. В по-
следнем он оказался не так уж неправ.

Глава 4

Славянофил и идеальный землец: политические идеи Дмитрия Николаевича Шипова

Имя Дмитрия Николаевича Шипова неплохо знакомо отечественному читателю. Его знают как лидера земского движения, организатора земских съездов, либерала и члена кружка «Беседа». Ему и его общественно-политической деятельности посвящена прекрасная монография С. В. Шелохаева¹, изданы его воспоминания².

На мой, безусловно, пристрастный взгляд, фигура Шипова интересна удивительной цельностью, последовательностью, с которой он воплощал в жизнь свою этико-политическую теорию, которая была основанием и оправданием в его собственных глазах всей его общественной деятельности — земской работы, которой он отдавал все силы и всю свою энергию. Более десятилетия успешно возглавляя Московское губернское земство и являясь автором нескольких

¹ Шелохаев С. В. Д. Н. Шипов: личность и общественно-политическая деятельность. М.: РОССПЭН, 2010.

² Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М.: РОССПЭН, 2007.

значимых записок и воззваний, в глазах государственной администрации Шипов, вероятно, мог считаться «типичным представителем земства». Мы же на его примере можем проследить, каким образом славянофильские идеалы могли быть воплощены в реальной земской работе.

Дмитрий Николаевич Шипов, как и практически все представители славянофильского направления, происходил из дворян. Он родился 14 мая 1851 года. О его детстве и юношестве известно не очень много. Он окончил Пажеский корпус (1872 г.), юридический факультет Петербургского университета (1877 г.) со степенью кандидата права, и в тот же год был избран уездным земским гласным Волоколамского уезда Московской губернии. В том же году он был избран губернским гласным, и с этого момента началась его земская работа, которая стала, пожалуй, самой важной сферой его деятельности и одной из основ для формирования его политических и социальных воззрений. В 1891 году Шипов был избран на должность председателя уездной земской управы, а в 1893 году — на должность председателя Московской губернской земской управы, которую он занимает до 1904 года. Вся дальнейшая его деятельность вплоть до конца 1900-х годов будет связана с земством, а ее окончание станет серьезнейшим моральным потрясением, которое найдет отражение в его «Воспоминаниях»: мемуарном тексте, где Шипов не очень много пишет о себе и своей частной

112 жизни, но очень много — об «общественной жизни», о своей публичной деятельности и работе. Он принадлежал к третьему поколению земцев, пришедшему на смену первому, действовавшему в период введения земских учреждений в 1860-х годах, с их политическими чаяниями и амбициями, и второму, чей недолгий взлет пришелся на последние годы царствования Александра II и период ожиданий общественного сплочения и единодушия общества и правительства после катастрофы 1 марта.

После не утверждения в должности председателя управы в 1904 году (это было связано с его активной общественной деятельностью, сделавшей его неуютной для власти кандидатурой) Шипов был гласным Московской городской думы, одним из активных членов кружка «Беседа», выборным членом Государственного Совета, одним из учредителей «Союза 17 октября» (однако вышел из состава партии в 1906 году из-за идейных и политических разногласий), Партии мирного обновления, а в конце жизни был одним из идейных лидеров Всероссийского национального центра.

В 1911 году Шипов принимает решение о снятии с себя полномочий земского гласного, и с 1911 по 1918 годы живет в Киеве, работая на должности управляющего «Товарищества братьев Терещенко». В 1918 году он возвращается в Москву и с ноября 1918 по апрель 1919 года исполняет функции председателя в Национальном

фронте³. В августе 1919 года его арестовывает 113
Московская ЧК, затем отпускает, в октябре арестовывает вновь, и 14 января 1920 года Шипов умирает в Бутырской тюремной больнице от катарального воспаления легких.

Его биография, даже в таком кратком пересказе, показывает нам человека вполне практического, не отрешенно-философского склада: обучение в Пажеском корпусе и на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, работа в качестве земского гласного и мирового судьи Волоколамского уезда Московской губернии, председательствование в Московской губернской земской управе. Кроме того, за время своей политической карьеры Шипов успел отказаться от поста государственного контролера и председателя правительства, поскольку считал, что на этих должностях сможет сделать мало полезного и осмысленного.

Основным источником наших представлений о социально-политических взглядах Шипова являются его мемуары и сохранившаяся переписка — известно, что после его арестов в 1919 году его записные книжки, дневники и записи были уничтожены его детьми, опасавшимися за судьбу отца. Однако его «Воспоминания и думы о пережитом» — это не столько воспоминания о личном, сколько последовательное и подробное авторское изложение своих основных идей, истоки

³ Там же. С. 19.

114 которых лежат в православной вере и представлении об особом пути развития России.

Мне представляется, что общей установкой, из которой следовали политические взгляды нашего героя, было представление о внутригосударственном пространстве как территории *диалога, коммуникации, взаимодействия, а не борьбы* общественных групп между собой или с государством. Об этом мы еще поговорим. Сам он в мемуарах писал, что его жизнепонимание создавалось на почве воспитанного с детства религиозного сознания, но окончательно сложилось под нравственным влиянием двух русских мыслителей — Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Однако Шипов не соглашался с толстовским отрицательным отношением к участию в общественной жизни:

«Я верю в жизненность Евангельского учения, <...> Смысл жизни всего человечества, по глубокому моему убеждению, заключается в постепенном, но неуклонном движении по направлению к идеалу христианского учения — установлению Царства Божия на земле, <...> усовершенствование основ и форм социальной жизни является необходимым условием для постепенного осуществления на земле идеала христианского учения»⁴.

Нравственное совершенствование личности не противоречит стремлению к улучшению условий общественной жизни, напротив, это части

⁴ Там же. С. 38–39.

одного процесса. «Усовершенствование» социальной жизни должно стать следствием *социальной эволюции*, а не революции, это принципиальный момент:

115

«Эволюция социальной и государственной жизни представляется мне процессом постепенного развития и осуществления идей, усвояемых общественным сознанием. Вся история человечества может быть рассматриваема, как поступательное движение в мире идей, как постепенный переход от идей низших к идеям высшим. Одни идеи руководили жизнью человечества в прошлом, другие, признаваемые большинством людей в данное время, получают свое выражение в современном строе общественной и политической жизни, а в будущем нельзя не предвидеть дальнейшее уяснение сознанием всего человечества новых идей и их влияние на изменение быта и уклада жизни во всех областях людских отношений. Не редко, конечно, приходится наблюдать в развитии жизни человечества те или иные изменения, происходящие под влиянием борьбы и насилия, но создающиеся таким путем положения не являются прочными; только идеи и принципы служат устойчивыми основами улучшения жизни»⁵.

Значит, социальная эволюция предполагает постепенное развитие и осуществление людьми христианских идей. Именно зарождение новых идей, которые потом усваиваются и воплощаются людьми, а не классовой или партийной борьбой, определяет ход развития общества. То есть

⁵ Там же. С. 151.

116 сознание определяет бытие, а не наоборот. При этом прогресс выражается в освобождении от влияния устаревших идей, которые, может быть, сами по себе и не плохи, но человечество в своем духовном развитии их уже переросло.

Современный ему общественный строй сложился в условиях, которые противоречат христианскому учению. Но, по мнению Шипова, каждый человек в своей общественной деятельности обязан служить общему благу всех людей — таковы обязательства, налагаемые на него христианскими законами. А значит, он не должен воздерживаться от участия в общественной жизни, даже если видит в ней множество пороков и недостатков, а напротив, всеми силами должен способствовать обновлению и совершенствованию государственного строя и созданию условий, благоприятствующих объединению людей ради общего блага. Его собственная публичная деятельность была посвящена как раз этому.

Для осуществления подлинно христианского общества необходимы некоторые государственные преобразования. Мне кажется целесообразным оставить в стороне вопрос о том, насколько важен для Шипова именно этот религиозный идеал и вполне гегельянское описание его реализации, и обратиться к политическим следствиям такого представления об устройстве общества. Как было сказано выше, внутренняя жизнь государства для него — это место взаимодействия государственной власти и общественных

сил. При этом политика и общественная жизнь должны объединять людей, а не разделять их. Шипов говорил и писал об этом неоднократно, подчеркивая, что без этого жизнь государства не может быть устроена «правильно». Правильным же государственным устройством он считал «самоуправляющуюся местно землю с самодержавным царем во главе»⁶. В этом он, кстати говоря, отходит от другого представителя славянофильства, своего современника — А. А. Киреева, — для которого эта структура имеет уже три элемента:

«В чем заключаются идеалы, которым служило и будет служить Славянское Общество? Какие это идеалы? Это те же самые, перед которыми преклоняется и русский народ: *Православие*, понимаемое как сумма его этических взглядов, *Самодержавие* как выражение его взглядов политических, — и то и другое неразрывно и органически связанное с русскою *Народностью*, которая служит им сферой действия, и которой *они* служат высочайшим выражением!»⁷.

Шипов же куда меньше писал о религии, о роли православия, для него, как было сказано выше, социальные задачи были важнее религиозных.

Дефиниция государственного устройства, которую разделял Шипов, может быть раскрыта

⁶ Там же. С. 153.

⁷ Киреев А. А. Краткое изложение славянофильского учения. С. 30.

- 118 через пояснение его трактовки термина «самодержавие», значения самодержавной монархии и местного самоуправления для гармоничного развития отечественной государственности. Кроме того, необходимо более подробно остановиться на его понимании должного процесса политических преобразований как эволюции, при этом каждый участник должен со своей стороны приложить максимум усилий для разрешения возникающих конфликтов. Политическая борьба с точки зрения Шипова — это не цель и не нормальное течение политической жизни, скорее, он настаивал на, пользуясь терминологией Карла Шмитта, деполитизации и нейтрализации⁸ внутригосударственной жизни. Кроме того, принципиально важной для него является логика политического процесса: следование властью заявленным преобразованиям, последовательное воплощение в жизнь провозглашенных идей. Реакция, контрреформы и противоречие слов и дел в государственном управлении Шипов считал еще большей бедой, чем радикальные преобразования — в первую очередь потому, что такое поведение подрывало авторитет власти и лишало ее доверия со стороны общества. Поэтому сам он считал верным поддерживать проводимые реформы, если они были последовательны

⁸ Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 53–54.

и содействовали государственному развитию и свободе, даже если не разделял те идеи, которые лежали в их основе. Этому также есть теоретическое объяснение.

119

Говоря о правильном для России общественном устройстве, Шипов настаивал на том, что оно предполагает такое внутреннее устройство личности, при котором движущей силой ее политической деятельности должно стать чувство долга, личной ответственности человека как части общества. То есть политическая антропология была для него не менее важна, чем теория государственного устройства. Человек, по его мнению, по своей природе предназначен жить в обществе себе подобных, а потому должен сознавать свою ответственность, свою роль в построении справедливого общества, в таком устройстве общественной жизни, которая будет не результатом столкновения частных интересов, а плодом коллективного разума, коллективной воли людей.

Каждый участник политической жизни должен стремиться к тому, чтобы участвовать в реализации общего блага, а не частных интересов. Только при такой осознанной, проникнутой чувством нравственного долга, совместной работе граждан и властей, развитие государства будет гармоничным, а из общественной жизни постепенно будет устранено то, что разделяет людей, — например, всевластие бюрократии и классовые интересы.

При этом Шипов признавал, что принуждение к подобной деятельности может быть только внутренним, право и закон здесь бессильны. Однако в настоящем времени человечество, в силу своего несовершенства, не может обойтись без государственного принуждения. В современных условиях *государство — это необходимое и неизбежное условие общественной жизни*, но оно является не самодовлеющей целью своего существования, а должно служить лишь средством, содействующим осуществлению высшей цели всего человеческого бытия:

«Государственный строй и установленный в нем правовой порядок должны исходить из признания равенства всех людей и обеспечения каждой личности полной свободы в своем духовном развитии и в своих действиях, не причиняющих ущерба и не производящих насилия по отношению к своим ближним в христианском значении этого слова»⁹.

Итак, каждый участник политической жизни должен стремиться к тому, чтобы участвовать в реализации общего блага, а не частных интересов, при этом граждане должны заботиться о благе государства, а оно, в свою очередь, должно содействовать (а в некоторых случаях — не мешать) их свободному развитию. Важным элементом этого развития, по мнению Шипова,

⁹ Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. С. 166.

является право граждан участвовать в местном самоуправлении и принятии решений на более высоком уровне (уровне высших органов власти), если последствия этих решений непосредственно их касаются. По сути, земские учреждения в его представлении — это единая и цельная система органов местного самоуправления, которая обладает правом решать все вопросы, касающиеся уездной и губернской жизни, кроме того, что непосредственно касается государственного управления. Важной базовой установкой Шипова, помимо идеи «общего блага», которое должно быть целью и внутригосударственной политики, и политической активности граждан, является республиканская установка на свободу граждан от произвола государства (особенно в лице представителей бюрократии), которая во многом должна обеспечиваться развитой структурой земств, имеющих широкий спектр полномочий.

Шипов считал, что люди, как общественные существа, лучше всего развиваются и меняются в лучшую сторону при совместной работе, особенно при работе на благо друг друга. Поэтому участие в общественной жизни очень содействует развитию нравственного сознания и пониманию своих обязанностей и морального долга. Земство же является одной из форм такого общественного единения и его прямая задача — способствовать материальному и нравственному благосостоянию местного населения

122 в тех сторонах его жизни, которые вверены земскому попечению¹⁰. И хотя земские союзы, как и государство, имеют характер принудительной организации, в обоих случаях это не исключает значения нравственного начала для определения цели и задач их деятельности. Требования права здесь вполне согласуются с нравственными обязанностями.

В *основе государства*, по мнению Шипова, лежат принципы права и власти. Их наличие также объясняется христианским пониманием несовершенства человека, который, с одной стороны, наделен свободной волей, а с другой — недостаточно развит в нравственном отношении, чтобы обойтись без государственного принуждения. Исходя из этого, *право* понимается Шиповым как «устанавливаемые государством правовые нормы», которые «имеют целью ограничить общество от посягательств со стороны злой воли людей». При этом содержание этих норм признается исторически обусловленным, не имеющим абсолютного значения и меняющимся во времени и в зависимости от экономических, политических условий и нравственного состояния общества, а само право — временным феноменом, юридически выражающим нравственный закон. В этом Шипов вполне совпадает со славянофильским представлением о праве как не

¹⁰ Шипов Д. Н. К вопросу о взаимных отношениях губернских и уездных земств. М., 1899.

имеющем самостоятельной ценности вне нравственного содержания его норм, не отвергая его полностью, но признавая за ним только служебное положение. Однако пока государство существует, его законы должны исполняться и охраняться властью — это нужно и для охраны свободы личности, и для того, чтобы все участники политического процесса знали «правила игры». На мой взгляд, это было одной из причин того, что Шипов так настаивал на реализации принципов, провозглашенных Манифестом 17 октября: если уж монархом установлены новые правила организации политического процесса, он не может отменить их и сделать вид, что ничего не было. Помимо того, что такое поведение подрывает авторитет власти, это вносит сумятицу в общество и неизбежно приводит к волнениям, которые могут перерасти в революцию.

Второй принцип — власть — трактуется Шиповым функционально:

«Главнейшая задача государственной власти заключается в охране установленного в государстве правового порядка, выражающегося в действующем законодательстве, и в ограждении, путем применения принуждения и материальной силы, государственного строя, общественной безопасности и личных прав всех граждан от посягательств злой воли людей»¹¹.

¹¹ Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. С. 168.

По мнению Шипова, русское самодержавие имело в своей основе идею *моральной солидарности* государя и народа, при этом идея самодержавия никогда не отождествлялась с абсолютизмом, а самодержавная власть вполне отвечала «жизнепониманию русского народа». Шипов считал, что «общее благо», предполагающее более справедливую социальную организацию, более достижимо при самодержавии, чем при парламентском государственном устройстве, поскольку он считал более вероятным наличие нравственного начала, чувства долга и представления о благе государства в самодержцe, чем в случайным образом выбранных представителях общества, которые будут заботиться больше о собственных интересах, чем об общем деле.

Важным идейным содержанием концепта «самодержавие» была для Шипова мысль о взаимном доверии и единении самодержцев и народа (и здесь мы можем вспомнить идеи Ф. Д. Самарина, для которого доверие между монархом и обществом также было значимым условием их гармоничного сосуществования), которая в прошлом находила выражение в Земских соборах. Опора на народ, сближение с народом, по мнению Шипова, могли и в настоящее время помочь царю укрепить пошатнувшийся авторитет власти. Организация такого сближения, по мнению Шипова, должна составлять задачу государственной власти, однако обсуждение

этого вопроса должно происходить при участии общества.

125

Государство, прежде всего, есть средство, содействующее осуществлению высшей цели всечеловеческого бытия. На практике эта идея означала, что государство должно охранять установленный правовой порядок, выраженный в действующем законодательстве.

«Государство, — писал Шипов, — не может не быть учреждением правовым, но право, нормирующее жизнь государства, всегда должно стремиться к *постепенному установлению в государстве высшей правды и справедливости* (курсив мой. — М. М.), призывающей всех людей к доброжелательному единению и к проявлению деятельной любви. Правовое государство должно всегда ставить себе целью создание условий государственной жизни, наиболее соответствующих этическим запросам человечества»¹².

В воспоминаниях Д. Н. Шипова также можно найти анализ и оценку законодательных инициатив начала XX века. На мой взгляд, его социальные и политические взгляды не претерпели существенных изменений после 1890-х годов, с того момента, как началась его земская деятельность, однако он, как человек, который всю сознательную жизнь был занят практической работой, понимал, что убеждения и планы необходимо соотносить с изменением законодательства и политической ситуации.

¹² Там же. С. 146–147.

В своих воспоминаниях Шипов писал, что после вступления на престол Николая II в земстве появилась надежда на то, что молодой царь осознает необходимость сближения власти и общества. Однако уже к 1895 году приходит понимание, что власть не настроена на диалог¹³. Шипов писал, что мысли о необходимости реформ буквально носились в воздухе — вместе с ощущением, что если власть не пойдет на уступки, «то в недалеком будущем верховная власть будет вынуждена ходом вещей и под влиянием быстро нараставшего в стране оппозиционного настроения согласиться на более коренное преобразование нашего государственного строя»¹⁴.

В связи с этим, как писал Шипов, зимой 1900–1901 года в земстве возникла идея составить записку с изложением в ней основных недостатков существующего строя, предложить подписать ее губернским предводителям дворянства, председателям губернских управ и передать Государю. О положении и авторитете Шипова в московском земстве много говорит тот факт, что составить проект записки было поручено ему. Забегая вперед, нужно сказать, что записка в итоге так и не была отправлена адресату, поскольку, несмотря на многократные обсуждения, многие участники проекта так и не пришли к согласию.

¹³ Там же. С. 158.

¹⁴ Там же. С. 159.

Кажется целесообразным привести полный текст тезисов, составленных Шиповым, т. к. он, на наш взгляд, является кратким выражением его отношения к современному ему политическому режиму, необходимым реформам, а также организации местного самоуправления:

«1. Ненормальность настоящего порядка государственного управления заключается в отсутствии необходимого в государственной жизни взаимного доверия между правительством и обществом; правительство не доверяет общественным силам; — общество не имеет уважения к правительству.

2. Отношение правительства к обществу имеет в своем основании неправильное положение, которым признается, что развитие общественной самодеятельности и участие общества во внутреннем государственном управлении стоят в противоречии с идеей самодержавия. Исходя из этого положения, правительство стремится к административной централизации во всех отраслях местного самоуправления и к опеке над всеми сторонами общественной жизни.

3. Положение это не только ошибочно, но и ложно. Самодержавие возможно лишь при живом и тесном общении самодержавного государя с народом; при отсутствии этого условия самодержавие царской власти теряет свое идейное значение и заменяется самодержавием министров и бюрократии, с которым русское общество никогда примириться не может.

4. Бюрократический строй, прикрываясь стремлением охранять самодержавие, но в действительности разобщая царя с народом, создает почву для проявления административного

произвола и личного усмотрения. Такой порядок лишает общество необходимой уверенности в строгой охране законных прав всех и каждого и подрывает уважение к правительству.

5. Для беспрепятственного выражения общественного мнения и для всестороннего выяснения обществом своих нужд необходимы обеспечение свободы совести, мысли и слова и развитие общественной самодеятельности, путем предоставления обществу самостоятельного заведования удовлетворением местных потребностей.

6. Необходимо, чтобы обществу было предоставлено право доводить до сведения самодержавного Государя о своих нуждах и о действительном положении вещей.

7. Составляемые в центральных государственных учреждениях законопроекты должны быть доступны предварительной критике со стороны общества и мнения общества должны быть известны Государю при утверждении законов самодержавной властью. Для этого необходимо, чтобы, применительно к предусмотренному положением об учреждении Государственного совета порядку, были привлекаемы представители общественных учреждений к участию при обсуждении законопроектов в комиссиях при Государственном совете и чтобы законопроекты, прежде внесения их в Государственный совет, опубликовывались заблаговременно для всеобщего сведения, а общественным учреждениям было бы предоставлено право в тех случаях, когда они признают это необходимым, представлять свои мнения или отзывы по тому или другому законопроекту.

8. Следует признать желательным, чтобы к обсуждению в центральных государственных учреждениях законопроектов и различных государст-

венных мероприятий привлекались представители общества исключительно по его избранию, так как только при этом условии эти лица могут являться представителями общественного мнения и будет исключена возможность преднамеренного подбора лиц.

9. Организация порядка и условий общения самодержавного Государя с народом должна составлять задачу государственной власти, но при обсуждении этого вопроса необходимо участие представителей общества»¹⁵.

Таким образом, по его мнению, укрепление самодержавной власти невозможно без установления доверительных отношений между властью и обществом, обеспечения свободы совести, мысли и слова, а также создания каналов коммуникации между государем и обществом, желательно без посредничества бюрократии. Представители общества должны иметь возможность обсуждать и критиковать законопроекты, которые их касаются.

При этом Шипов указывал, что в российской истории уже были примеры доверия и единения царя и народа: они нашли свое выражение в Земских соборах, которые созывались для обновления законодательства, получения советов по важным государственным вопросам и избрания царей. Шипов подчеркивал, что участники Земских соборов видели в своем участии не реализацию каких-то своих политических прав,

¹⁵ Там же. С. 175.

130 а выполнение нравственного долга¹⁶ и не ставили перед собой задачу ограничения царской власти. Поэтому сам вопрос о том, имели ли их решения совещательный или решающий характер, по мнению Шипова излишен: в основании Земских соборов лежала не правовая, а морально-политическая идея. Поэтому их авторитет подкреплялся не законом, а отношением народа к самодержцу.

Отмечая, что после петровских преобразований самодержавие превратилось в «неограниченное самовластие», а Земские соборы так и не стали постоянно действующим государственным учреждением, Шипов, тем не менее, считал, что взаимодействие власти с населением и привлечение народных представителей к участию в государственном управлении является единственным выходом из существующего кризисного положения. Шипов понимал, что в организацию Земских соборов необходимо внести изменения, которые соответствовали бы современным ему условиям государственной жизни, и что в разработке условий организации народного представительства должны принять участие сами представители общества¹⁷.

Шипов считал, что народное представительство не должно состоять из некоего случайно собранного в результате выборов множества

¹⁶ Там же. С. 171.

¹⁷ Там же. С. 174.

людей, оно должно собрать наиболее «зрелые» силы народа, которые считали бы свою работу не воплощением политических амбиций, а выполнением возложенных на них обязанностей. В первую очередь — нравственных. Право избрания народных представителей должно быть предоставлено земским и городским общественным учреждениям, и тогда народными избранниками станут те, кто хорошо знает потребности местной жизни, имеет опыт общественной деятельности, жизненный опыт и чьи достоинства и недостатки избиратели хорошо знают. Шипов отмечал, что простым людям, в первую очередь крестьянам, сложно разбираться в политических программах и при общем народном голосовании победят, скорее всего, те, кто произносит яркие и красивые лозунги, провозглашающие классовую борьбу, а не будущую совместную работу. В том время как избрание народных представителей земством и из земства должно обеспечить то, что для государственной работы будут привлечены «лучшие люди» общества.

Такие люди будут сотрудничать с верховной властью (у них уже будет этот опыт на уровне земства), а не считать своим долгом быть в оппозиции к ней, а население получит удовлетворение своих потребностей. Естественно, эта установка предполагает серьезную веру в высокие моральные качества тех, кто занимается общественной деятельностью, а также серьезное развитие земского самоуправления, активное

- 132 участие в котором должно принимать сельское население. Тогда в народном представительстве не будет ничего противоречащего идее самодержавия, напротив, оно будет способствовать ее наилучшему осуществлению¹⁸.

Итак, важнейшим условием политического благополучия государства, по мнению Шипова, являлось нахождение устойчивого баланса между различными политическими силами и властью. Почвой, на которой возможно такое единение, он считал социальные проблемы, решить которые можно на местном уровне при должной степени развития земства. Через решение социальных проблем можно обеспечить политическую стабильность в государстве и обеспечить взаимодействие всех участников политической жизни страны. Для обеспечения нормальной работы земства необходимо оформление земского движения, которое сформирует единый подход к решению существующих социальных проблем. Разобщенность земской среды, отсутствие полноценной коммуникации, отсутствие печатного органа, запреты земских съездов — все это, по мнению Шипова, лишь усугубляло ситуацию и не давало возможности создать условия для полноценной работы.

¹⁸ Более подробно эти идеи изложены в записке «К мнению меньшинства частного совещания земских деятелей 6–8 ноября 1904 года» (М.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1905).

Главная задача земской деятельности, по мнению Шипова, состояла не в удовлетворении политических интересов участников, а в постепенном ослаблении исторически сложившейся социальной несправедливости. Для этого требовалось как можно «полнее и равномернее удовлетворить потребности всего населения» земского союза. Шипов предлагал и практические рекомендации для исправления ситуации: в его записках и текстах речей можно встретить предложения об изменении системы земского обложения, о перераспределении дотаций губернского земства в адрес «бедных» уездов, предложения более широкого представительства всех сословных групп в органах местного самоуправления, о введении мелкой земской единицы.

Общую цель земской деятельности Шипов видел в осуществлении «христианской политики», которая предписывала заботу о нуждающемся крестьянстве. Его идеи земского переустройства были частью ответной реакции общества на проявление социально-экономических противоречий в государстве. Его вклад в развитие представлений о сути земского самоуправления был весьма значительным, а его концепция не противоречила политической системе государства, но включала в себя понимание пути дальнейшего развития государства, при котором необходим диалог между властью и обществом.

134 Обращаясь к известным словам Николая II о «бессмысленных мечтаниях», прозвучавших в речи 17 января 1895 года, Шипов отмечал:

«Эти слова свидетельствовали, что новый император не уяснил себе значение общественных сил в государственной жизни и склонен был разделять неправильное понимание своим предшественником идеи и принципа самодержавия»¹⁹.

Это «неправильное понимание» состояло в том, что

«Александр III не признавал допустимым активное участие общественных элементов в государственной жизни и последовательно проводил принцип административной централизации. Человек сильного характера и крепкой воли, он хотел сам всем управлять и во всех членах государственного управления видел только исполнителей своей воли. Если он искал, как бы, опоры в дворянстве, то он смотрел на представителей этого сословия как на добровольных чиновников на местах для наблюдения за остальными элементами общества. В основе политического понимания Александра III лежала роковая, глубокая, принципиальная ошибка — отождествление самодержавия с самовластием»²⁰.

С точки же зрения Шипова наилучший государственный строй — это именно *самодержавная монархия*, которая не является ни «самовла-

¹⁹ Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. С. 159.

²⁰ Там же. С. 157–158.

стием», ни «народоправством». Второе его не устраивало тем, что 135

«власть является неизбежным условием государственного строя, вследствие преобладания в жизни эгоистических инстинктов и интересов над сознанием нравственного долга, т. е. необходимость власти обусловливается, главным образом, господством в мире зла. В то же время власть, носящая в себе элемент принуждения, всегда оказывает некоторое развращающее влияние на обладающих ею и вызывает в них нередко склонность к злоупотреблению предоставленной им властью. Это свойство власти и условия, определяющие необходимость ее существования в государстве, всегда вызвали во мне отрицательное отношение к идее народовластия и народоправства. Провозглашение идеи народовластия и стремление осуществить ее в государственном строе невольно выдвигают на первый план значение личных прав граждан и заглушают или отодвигают на второй план сознание нравственного долга и обязанностей, лежащих на них, как на людях. Принцип народоправства полагает в основу государственного строя личную волю, личные права граждан, тогда как необходимое условие государственной жизни, представляется мне, должно заключаться в подчинении личной воли иным, высшим началам. Идея народовластия, как бы, призывает всех граждан к отстаиванию своих прав, поселяет в них переоценку значения личных и классовых интересов и тем неизбежно влечет людей на путь социальной и политической борьбы»²¹.

²¹ Там же. С. 168–169.

Самовластие же (или абсолютизм, абсолютная монархия), по мнению Шипова, также оказывается отклонением от «должного состояния», поскольку бюрократический строй только прикрывается намерением охранять самодержавие, но в действительности только «разобщает царя с народом», создавая почву для проявления административного и личного произвола. Такое положение дел лишает общество необходимой уверенности в том, что законные права граждан будут охраняться должным образом, и подрывает уважение людей к правительству.

Будучи убежденным сторонником самодержавной монархии, Шипов писал, что она «вполне отвечает жизнепониманию русского народа»:

«Удовлетворение требований общественной правды представляется мне более надежным при самодержавии, чем при парламентаризме, т. е. представляется более обеспеченным при том условии, когда выражение и осуществление народной воли представлено самодержавному государю, который принимает этим на себя ответственную нравственную обязанность перед населением, тем в том случае, когда выражение народной воли является последствием случайно сложившегося большинства, часто на почве борьбы классовых или материальных интересов. Знаю, что по этому вопросу существуют различные мнения, и я считаю нужным изложить вам мое по этому предмету убеждение. Но высказывая свою преданность идее самодержавия, правильно понимаемой, я не могу отождествлять самодержавие с абсолютизмом и потому убежден, что самодержавному строю государства

не может противоречить развитие общественной самодеятельности. Напротив, при самодержавии не только необходимо широкое участие общества в местном управлении, но если самодержавный государь принимает на себя тяжелую обязанность осуществления народной воли, то для выполнения этой обязанности необходимо непосредственное общение его с wybranнми представителями населения. Только при этом условии самодержавный государь будет иметь возможность быть всегда и близко ознакомленным с действительными потребностями населения и положением дела на местах. Переживаемое нами тяжелое положение обусловливается *полною разобщенностью между правительством и обществом, отсутствием необходимого взаимного понимания и взаимодействия* (курсив мой. — М. М.). Я далек от мысли оправдывать в этом отношении общество и полагаю, что отчасти причина такого положения заключается в современном состоянии общества. Общество наше находится в болезненном процессе, в нем преобладают отрицательные настроения, мало положительных идеалов и отсутствует определенное общественное мнение. Но, если вы признаете необходимым участие общественных элементов в нашем государственном строе, то в таком случае, мне кажется, нельзя не согласиться, что правительство должно быть заинтересовано в воспитании общества для участия его в государственной жизни, а это возможно только при условии *обеспечения обществу необходимой организации и путем привлечения его к совместной работе с правительственными учреждениями* (курсив мой. — М. М.)»²².

²² Там же. С. 198–199.

Несмотря на то, что Шипов признавал необходимость «широкого участия общества в местном управлении», он не был конституционалистом, которые, по его мнению, совершенно напрасно считали, что единственной альтернативой сложившемуся в России «бюрократическому строю» является конституционализм западноевропейского образца. Конституционалисты, писал он, считали, что взаимодействие власти и общества возможно только при обеспечении его правовыми нормами и гарантиями. Сам же Шипов, как уже было сказано ранее, считал, что это взаимодействие должно быть организовано на основе моральной солидарности власти с народным представительством:

«Исходя из этого убеждения, мы признаем невероятным, чтобы верховная власть, раз народное представительство будет существовать как постоянно действующее учреждение, могла что-либо предпринять вопреки голосу представителей народной мысли и народной совести, так как в этом случае она прежде всего не могла бы сохранить необходимый ей авторитет, и в то же время признаем, что моральная основа государственного строя может скорее обеспечить ей доброжелательное и спокойное развитие государственной жизни, чем идея правовая, всегда носящая в себе семена политической борьбы. Ни в заключительных положениях нашего проекта, ни в предположенных им в брошюре соображениях, нигде не говорится ни о совещательном характере народного представительства, ни о сохранении абсолютизма государственной власти. Второе положение

проекта хотя и указывает в начале, что „народное представительство не должно иметь характера парламентаризма с целью ограничения царской власти“, но тут же говорится далее, что оно „должно служить органом выражения народного мнения для создания и сохранения всегда тесного единения и живого общения царя с народом“. Само собой представляется понятным, что не может быть речи о тесном единении власти с народным представительством, если допустить предположение, что верховная власть может не считаться с голосом народного представительства. Разномыслие и разногласие между сущностью нашего проекта с его пониманием и характеристикой нашими оппонентами коренились, несомненно, в различиях наших мирозерцаний, в различиях нашего понимания смысла человеческой жизни, как личной, так и общественной»²³.

Однако, когда историческая ситуация позволила конституционным преобразованиям стать реальностью, и государственная власть «встала на почву права, а не нравственности», Шипов становится «конституционалистом поневоле» и дальше беспокоится уже о том, чтобы эти реформы были доведены до конца, а не остановлены на половине и не отменены — что было бы намного более вредным. Он писал, что не сочувствует введению в государственный строй конституционных начал (это противоречило всем его убеждениям), но признает, что сама политика власти привела к неизбежному их введению.

²³ Там же. С. 324–325.

- 140 А раз так, нужно быть последовательными в воплощении в жизнь того, что было заявлено. В противном случае о диалоге и продуктивной коммуникации между властью и обществом можно было забыть — вне зависимости от того, каким будет (или должно быть) формальное государственное устройство.

**Убежденный монархист и землец:
реформаторские проекты
Клавдия Никандровича Пасхалова**

Клавдий Никандрович Пасхалов — действительный статский советник, публицист, критик, политический деятель — родился в 1843 году в офицерской дворянской семье. В 1875 году он поступил на службу в Министерство финансов, служил в Особой канцелярии по кредитной части. В 1882 году Пасхалов стал членом Совета Крестьянского банка. Исследователи отмечают, что сведений о его дальнейшей государственной службе мало, известно только, что к 1905 году он вышел в отставку, и к этому времени относятся почти все его известные публицистические работы¹. Известно также, что Пасхалов был участником правомонархической организации «Русское Собрание», организатором и участником многих правомонархических съездов, на которых выступал с докладами, посвященными в основном земским делам и финансово-экономическим вопросам.

¹ Пасхалов К. Н. Русский вопрос / Сост., предисл. и коммент. Д. Стогова. М.: Алгоритм, 2009. С. 5.

142 Пасхалов, как и все славянофилы, был идейным и последовательным противником революционных преобразований, сторонником сохранения в России самодержавия, в его формулировке — неограниченного. Он был в числе подписантов «Обращения Русского Собрания к единомышленным партиям, союзам и Русскому Народу по поводу Манифеста 17 октября», где отмечалось, что

«Манифест 17 октября, оставаясь в силе как дополнение к закону о Государственной Думе, ни в каком случае не должен повлечь за собою переработку наших основных законов и составление чего-либо вроде конституции, которою определялись бы взаимоотношения Государя и народного представительства»².

Также, на протяжении всей жизни, Пасхалов интересовался аграрными вопросами, земством, критиковал существование и деятельность губернских земств, настаивая на необходимости его упразднения. Он отвергал идею парламентаризма, однако, как и все славянофилы, был сторонником законосовещательного органа:

«...следует восстановить не на словах только, но и в действительности право решающего законодательного голоса за историческим самодержавием; все остальные пособные ему учреждения — Государственная Дума и Совет — должны иметь

² Пасхалов Клавдий Никандрович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX вв.: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 352.

смысл только совещательный, причем Верховная Власть должна восстановить свое право знать все состоявшиеся мнения, а не только большинства, и выбирать между ними то, которое по убеждению ее совести наиболее соответствует пользе народа и Государства»³.

Приверженность монархическим идеалам Пасхалов сохранял на протяжении всей жизни, до последних дней являясь членом и активным участником различных монархических организаций: «Русского монархического союза», «Русского монархического собрания», «Союза русского народа», участником монархических съездов.

Возможно, именно монархические убеждения Пасхалова были причиной того, что после октября 1917 года его активная деятельность заканчивается (до того, несмотря на преклонный возраст, он был довольно активным участником монархического движения, как лично, так и в печати), и до своей смерти в 1924 году он живет в Тульской губернии, никак не участвуя в политической жизни страны. Вся его работа имела смысл только в свете существования в России самодержавной монархии, другой формы политической организации он стране не желал.

К бюрократии Пасхалов относился также в духе славянофильства — как к «средостению», разделяющему Царя и народ, и мешающему

³ Пасхалов К. Н. Русский вопрос. С. 15.

144 существованию Руси в русле традиционных ценностей: Православия, Самодержавия и Народности⁴.

По мнению Пасхалова, русское самодержавие могло быть только *неограниченным*, поскольку ограниченное (или конституционное) самодержавие — это бессмыслица. Он оставался апологетом идеи неограниченного, практически абсолютного самодержавия и после 1905 года, считая, что «ограниченное, или конституционное самодержавие есть такая же бессмыслица, как, например, мокрый огонь, сухая вода и т. п.»⁵. Он считал, что самодержавие — это выражение народной воли, сосредоточенное в одном лице; при этом интересы и устремления этого «лица», то есть монарха, должны быть неразрывно связаны с интересами подчиненного ему народа и государства. Такое единение интересов царя и народа позволяет появиться самым *необходимым и важным*, на взгляд Пасхалова, качествам самодержавной власти: беспристрастию и справедливости⁶. Это достаточно интересная идея, потому что оказывается, что вовлеченность монарха в дела страны обеспечивает не только этическую

⁴ Там же. С. 16–17.

⁵ Пасхалов К. Н. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения. С. 31.

⁶ Пасхалов К. Н. О мерах к прекращению беспорядков и улучшению государственного строя // Пасхалов К. Н. Русский вопрос. С. 41.

составляющую, но и беспристрастность, которая в иных политических проектах должна быть обеспечена правовыми нормами. К сожалению, более подробно эта идея не расписана.

Нами уже было отмечено, что в целом его взгляды на самодержавие не отличались оригинальностью, по убеждениям Пасхалов был правым монархистом, более радикальным во взглядах, чем многие другие славянофилы, и интересным в этом плане скорее своей последовательностью. Даже в 1915 году на съезде Нижегородского Всероссийского Сопещения уполномоченных монархических организаций и правых деятелей он заявлял, что:

«Только благодаря Самодержавию возможно было отрезвление народа русского, что сделано одним взмахом Царя-Самодержца. Во Франции и Англии с завистью смотрят на нашу власть единойдержавную, там не могут провести такой меры столь быстро и решительно. Там парламент, конституции, республики — вот причина этого. Говорили: Самодержавная Россия — тюрьма для человека. Но нигде не живет так свободно личности, как в России. И мы видим теперь, что за эту "тюрьму" все, даже инородцы, проливают свою кровь»⁷.

Впрочем, как и остальные сторонники укрепления самодержавного принципа, Пасхалов не мог не считаться с реалиями начала XX века, когда модернизация в России породила сложную

⁷ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. Т. 2. 1911–1917 гг. М., 1998. С. 497.

146 проблему адаптации старых государственных структур к новым требованиям времени. Лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» уже не мог звучать так, как раньше, однако это не мешало монархистам использовать его в программных документах и пропаганде. Для Пасхалова же было важно также сохранение не просто идеи самодержавной власти, но и самодержавия как формы правления, а также религиозно-нравственных принципов, которые лежали в его основе.

Довольно много Пасхалов писал о кризисе русской государственности, однако приемы выхода из него, предлагаемые им, сводились в основном не к расширению прав и свобод граждан, а к *повышению степени ответственности и обязанности* на всех уровнях государственной службы. Упомянутый кризис был, по его мнению, связан не с тем, что самодержавие как способ организации власти устарело и должно быть заменено народным представительством, а с бездействием власти, несоблюдением государственных законов на всех уровнях управления и с безнаказанностью нарушителей. То есть с самой по себе самодержавной монархией как идеей, принципом и идеалом все было в порядке, а вот практика управления страной никуда не годилась.

Несомненным благом для Пасхалова было сохранение самодержавной монархии, целостности государства, и ответственное правитель-

ство, например, он понимал как ответственное именно перед самодержцем. Он считал, что самодержавная власть может быть только неограниченной и решительно отвергал любые формы представительства и идею принятия решений большинством голосов. Тем не менее, он не отрицал необходимости адаптации уже имеющихся государственных структур к новым условиям. В частности, об этом он писал в работах, посвященных необходимости земской реформы, с которой должна была начинаться реформа органов управления, о чем мы поговорим позже.

В своих работах 1905–1907 гг. Пасхалов последовательно и методично перекладывал вину за все управленческие проблемы, имеющиеся в России, на исполнителей — чиновников, и именно эту часть государственного аппарата он считал необходимым реформировать:

«Не подлежит ни малейшему сомнению, что все административные аппараты, как государственные, так и общественные, находятся в крайне неудовлетворительном состоянии и требуют капитального исправления и даже переработки. Жестокая ошибка правительства за последнее время заключалась в том, что оно причины всеобщей расшатанности приписало, под влиянием земской и печатной пропаганды, а также и своих заряженных конституционными вождениями членов, несовершенству действующих законоположений, тогда как истинная, несомненная и, можно сказать, единственная причина всех наших не порядков заключается в нарушении и неисполнении существующих законов всем

148 административным персоналом, начиная с высших его представителей...»⁸

Продолжая свое рассуждение, Пасхалов пишет, что «наиболее распространенный недостаток» чиновников всех уровней состоит в том, что они не только имеют собственные убеждения (видимо, иметь их им не полагалось по должности), но и открыто их выражают в частных и публичных разговорах, в печати и претворяют в жизнь в своих рабочих проектах. В государстве должна быть одна воля — монархическая (здесь можно вспомнить то, что писал по этому поводу А. А. Киреев), в ситуации, когда их много, мы имеем проблемы с функционированием государственного аппарата и, как следствие, сложности с управлением страной. Предвидя возражение, что нельзя заставлять человека менять свои убеждения в соответствии с убеждениями начальства только потому, что он чиновник, Пасхалов замечал, что, вероятно, такому человеку просто не место на государственной службе и ему стоит поискать себе другое место для выражения своих идей. Эти слова представляют резкий контраст с тем, что писал, например, Ф. Д. Самарин и свидетельствуют о том, что среди неославянофилов не было единства в понимании того, как должна быть устроена публичная сфера и должны ли в ней реализовыв-

⁸ Пасхалов К. Н. О мерах к прекращению беспорядков и улучшению государственного строя // Пасхалов К. Н. Русский вопрос. С. 42–43.

ваться принципы свободы слова. Для Самарина это было необходимым условием возвращения доверия к власти, Пасхалов же считал вполне допустимым увольнение чиновников всех уровней и университетской профессуры, если они обнаруживали антиправительственный образ мыслей.

После учреждения Государственной Думы он с той же страстью обрушивался на ее сторонников, а также на депутатов, говоря, что Дума не способна к плодотворной работе, что причина этого в самой ее организации, в условиях «ее бесконтрольности и полнейшей безответственности»⁹, как перед властью, так и перед избирателями. В Думе не было того, что Пасхалов называл «русским духом»: стремления к общей цели — благоустройству России. Поэтому и деятельность Думы не встречала сочувствия и понимания у населения, и в проектах думцев не было единства. Кроме того, выборная система скорее препятствует, чем способствует выбору действительно «лучших» людей из своей среды, так что существование сформированного таким образом представительного органа заранее обречено на неудачу¹⁰.

Как уже было сказано ранее, публицистическая деятельность Пасхалова приобретает особый

⁹ Пасхалов К. Н. «Думские вольнослушатели» // Пасхалов К. Н. Русский вопрос. С. 207.

¹⁰ Пасхалов К. Н. Усовершенствованный способ решения государственных вопросов // Пасхалов К. Н. Русский вопрос. С. 236.

150 размах в начале 1905 года, когда, по его мнению, начали сбываться самые мрачные предсказания русских консерваторов, а государственная власть своими действиями и бездействием только усугубляла ситуацию. Это заметно даже по названиям его работ: «Грозящий позор» (1905 г.), «На пути к разрушению России» (1905 г.), «Разрушительная вакханалия» (1906 г.), «Позор Выборгского воззвания» (1908 г.), «Тревожное будущее» (1907 г.), «Безнадежность настоящего» (1908 г.), «Витте — злой гений России» (1908 г.) и т. д.

В этих и других работах Пасхалов критиковал проводимые реформы государственного управления. Ответ на вопрос о том, «как правильно», можно найти в его работах, посвященных реформе земств, поскольку, помимо критики парламентаризма, именно деятельности земств, особенно уездных, Пасхалов уделял большое внимание. Он высказывался за упразднение губернских земств:

«в огромном большинстве случаев дела губернского земства могут быть переданы ведению уездных не только без всякого ущерба для дела, но и со значительной пользой и для дела, и для населения, а между тем один служебный персонал губернских управ и содержание дворцов, его вмещающих, поглощают в каждой земской губернии непроизводительно сотни тысяч народного достояния, что в общем составит многие миллионы расхода»¹¹.

¹¹ Пасхалов К. Н. Основания земской реформы // Пасхалов К. Н. Русский вопрос. С. 307.

Кроме того, по его мнению, существование губернских земств вредно еще и потому, что оно уже давно стало высшей инстанцией по отношению к уездному, сосредоточив в своих руках потоки денежных средств, которые оно может направлять по своему усмотрению. Уездное же земство, по мнению Пасхалова, выступает данником по отношению к губернскому, чем парализуется его собственная деятельность.

Также он выступал против введения мелкой земской единицы, заявляя, что этот проект не имеет под собой тех экономических и духовных оснований, о которых заявляют авторы проекта, а вытекает из желания разрушить существовавшее сословное устройство и крестьянскую сословную обособленность под предлогом уравнивания прав крестьян с другими сословиями, что, по мнению Пасхалова, было недопустимо.

Он считал, что земские учреждения должны способствовать развитию всех сторон местной жизни и удовлетворению потребностей местного населения (в том числе его духовных и интеллектуальных запросов). В настоящее время это невозможно, потому что губернское и уездное земства представляют собой «двух хозяев», при этом один из них постоянно пытается действовать за чужой счет:

«И то, и другое земство занято разрешением одной и той же задачи, с тою разницей, что уездные имеют свою территорию и свое определенное население, подлежащее их заботам, и действуют

152 за свой счет, тогда как губернские, вмешиваясь в то же дело, не имеют ни территории, ни определенного населения и действуют на чужие средства»¹².

И для того, чтобы избежать окончательного захирения местного самоуправления, необходима земская реформа, которая позволит упразднить губернские земства. Пасхалов считал, что эта реформа необходима для дальнейшего благоустройства всего государства, поскольку для увеличения благосостояния народа необходимо, чтобы местными вопросами занимались те, кто живет «на земле» и разбирается в них. Современная же ему организация уездных земств признавалась Пасхаловым неудовлетворительной не только из-за наличия губернского земства, но и из-за выборной организации земского собрания, которая позволяет побеждать не достойным, а наиболее «ловким в интригах» и «имеющим обширные связи». Как можно заметить, всеобщие выборы критиковались Пасхаловым на всех уровнях: и Думском, и местном.

Полемизируя с приведенным в одной из предыдущих глав проектом Д. Н. Шипова и его сторонников по вопросу земской реформы¹³, Пасхалов *предлагал собственный проект земской*

¹² Пасхалов К. Н. Необходимая реформа земских учреждений // Пасхалов К. Н. Русский вопрос. С. 330.

¹³ См., например, статью «Земское самодержавие» (Пасхалов К. Н. Русский вопрос. С. 301–305).

реформы, который должен заменить действовавшее тогда «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 года.

153

Основания данного проекта, если резюмировать их кратко, были следующие:

1. Все заботы об удовлетворении всех текущих нужд населения предлагалось возложить на уездные земские собрания и их исполнительные органы. Уездные собрания должны составляться по платежному или имущественному цензу из всех, кто участвует в платежах земских налогов и уполномоченных от мелких владельцев. Размер ценза определяется индивидуально для каждой местности.

2. Все вопросы, которые не затрагивают увеличения платежей и расходов, должны решаться простым большинством голосов, для решения денежных дел нужно согласие двух третей членов собрания. Также в проекте оговаривалась численность, необходимая для того, чтобы собрание считалось состоявшимся, а его решение могло быть признано легитимным.

3. Исполнительными органами уездных земских собраний должны являться управы, члены которых избираются. Заведование теми учреждениями, которые являются общими для всей губернии, должно быть поручено тому уездному земству, на территории которого это учреждение находится. Денежные вопросы в этом случае должны решаться при участии всех председателей уездных управ, которых затрагивает

154 решение этого вопроса и должны утверждаться на уездных земских собраниях. При этом Пасхалов не отрицал возможности того, что земства могут вступать между собой в добровольные соглашения на необходимые сроки.

4. Интересно, что, по мнению Пасхалова, деятельность земств может охватывать все отрасли хозяйства, которые в данное время находятся в его ведении, однако все, что касается народного образования как дела государственной важности, должно находиться под наблюдением правительственных органов народного просвещения.

5. Контрольным учреждением должно служить Губернское Присутствие, в состав которого должны входить члены правительства и представители земств, которые не занимают в них служебного положения, а также председатели земских управ (без права голоса) по делам их уездов. Губернское Собрание должно определять законность или незаконность земских постановлений, оно должно иметь право приостанавливать их исполнение, при разногласии же между земством и Губернским Собранием решающий голос должен принадлежать Сенату¹⁴.

Самоуправляющееся земство должно было стать единым, независимым ни от кого, ни сверху,

¹⁴ Пасхалов К. Н. Основания земской реформы // Пасхалов К. Н. Русский вопрос. С. 311–312.

ни снизу, оно должно было иметь возможность беспрепятственно обращаться к правительственным органам и контролироваться только ими (причем только в той части, которая касалась бы соблюдения законов и учета интересов населения). Кроме того, Пасхалов считал, что именно таким образом устроенное земство может и должно быть

«единственным учреждением для образования Государственной Думы, ибо только хозяева Государства должны иметь право участия в его судьбах. Тогда не будет и пустым словом отчетность члена Государственной Думы перед своими выборщиками, как теперь, когда выборщики не знают своего излюбленного, ни он их, и тогда невозможны станут те противогосударственные явления, которые имели место во всех трех первых Думах»¹⁵.

Как можно заметить, этот проект предполагает, с одной стороны, откат к более консервативным основаниям земской жизни, а с другой — достаточно радикальные преобразования, которые, однако, должны были способствовать сохранению монархического государственного устройства, в котором даже депутаты Государственной Думы не будут мешать претворению в жизнь монаршей воли, поскольку их представления о том, что является благом для государства, будут сходными с его. А председатель

¹⁵ Пасхалов К. Н. Необходимая реформа земских учреждений // Пасхалов К. Н. Русский вопрос. С. 333.

156 этого законосовещательного органа должен был назначаться лично императором. Депутаты пользовались бы свободой выражения своих мнений в пределах, очерченных законами и их обязанностями, императора информировали бы о них, однако окончательное решение оставалось бы за ним и принималось бы остальными без возражений.

В ситуации, когда стало ясно, что монархии в России пришел конец, Пасхалов устранился от политической активности и политической борьбы, никак не пытаясь бороться с новым политическим строем, но (к счастью) и не испытав никаких гонений с его стороны.

**Экономические преобразования
на славянофильской основе:
политическая утопия
Сергея Федоровича Шарапова**

Сергей Федорович Шарапов родился 1 июня 1855 года в дворянской семье. В 1868 году он поступил во 2-ю Московскую военную гимназию, в которую с 1864 года был преобразован 2-й Московский кадетский корпус. Окончив ее в 1872 году с отличием, Шарапов поступил в Николаевское инженерное училище в Санкт-Петербурге, которое тогда было и подготовительным заведением для поступления в Инженерную академию, однако не закончил полного трехлетнего курса, в 1874 году уволился из Инженерного училища в чине подпоручика. В августе 1875 года Шарапов поступил чиновником в канцелярию варшавского губернатора, а уже осенью 1878 года вернулся в Россию, вышел в отставку, уехал в родное имение, где занимался вопросами грамотного хозяйствования на земле.

Практические результаты его деятельности привели к тому, что в 1880 году Смоленское губернское земское собрание предложило

158 С. Ф. Шарапову расширить работы по совершенствованию конных плугов. Он начинает участвовать в сельскохозяйственных выставках, где представляет продукцию собственного изобретения¹. С этого же времени он начинает публиковаться в различных газетах и журналах и приобретает известность как автор и публицист. Вскоре после этого Шарапов знакомится и сближается со славянофилами, в частности, становится сотрудником аксаковской газеты «Русь». Под влиянием И. С. Аксакова Шарапов начинает систематически изучать труды славянофилов, а после смерти Аксакова даже считает себя продолжателем его дела.

Так как разрешения на продолжение издания «Руси» он не получил, Шарапов создает новую еженедельную газету «Русское дело», «чтобы „расчищать весь тот хлам“, наваленный на „фундаменте“, который для него были „царь, народ, русское начало (культурное)“. В отличие от аксаковского издания, где, по его мнению, преобладала „духовная сторона“, себя он видел, прежде всего, практиком: „по каждому вопросу“ он предполагал давать „точно сформулированный выход, что именно нужно“»². После закрытия (из-за

¹ Шарапов С. Ф. Россия будущего / Сост., предисл., примеч., именной словарь А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 13.

² Там же. С. 16.

цензурного запрета) «Русского дела» он продолжает публиковаться в ежедневной газете «Минута» (которая вскоре была преобразована в «Русскую жизнь»), «Славянских известиях» (с 1889 г. они назывались «Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества»), журнале «Благовест», газете «Свет». В «Гражданине» под псевдонимом «Н. Гвоздев» он публикует 14 писем, которые впоследствии составили отдельную книгу³.

Еще в июле 1890 года Шарапов начал служить в Государственном контроле под началом Т. И. Филиппова и перебрался в Петербург, где в 1891 году он поступил на службу в министерство финансов, которое, однако, покинул в 1892 году из-за разногласий с С. Ю. Вите. С августа 1894 года Шарапов переходит на службу в Министерство государственных имуществ (преобразованного затем в Министерство земледелия и государственных имуществ).

В период с 1894 года и до самой смерти 26 июня 1911 года Шарапов оставался активнейшим общественным деятелем, писателем, публицистом, интересовавшимся самым широким кругом вопросов, от политики и права до экономики и сельского хозяйства. Славянофильское учение он пытался связать с достижениями экономической науки, чтобы найти «реальную

³ Там же. С. 19.

160 опору» своим нравственным и политическим воззрениям⁴.

Взгляды С. Ф. Шарапова на государство и самодержавную монархию можно найти, в основном, в двух его работах: составленном им «Московском сборнике» (1887 г.), включавшем произведения Ф. М. Достоевского, И. С. Аксакова, А. А. Киреева, и сборнике «Теория государства у славянофилов» (1898 г.), который объединял статьи славянофилов, а также содержал его собственную работу «Самодержавие и самоуправление». В этой статье он обосновал необходимость возвращения России к сочетанию самодержавия с земским самоуправлением при ликвидации имеющегося в настоящий момент застоя бюрократии, нарушившей общение между царем и народом. При этом для него также значимы *нравственно-юридические* черты самодержавия: монарх воспринимается им как носитель высшей правды, вершитель земного суда.

Идеальное состояние русского политического строя он представлял в виде соборного единения царя, народа и русской православной церкви:

«Идеал русского гражданского и политического устройства, выясненный славянофилами и вполне отвечающий народному представлению о личности, „мире“ и Государе, таков: отдельное

⁴ Шарапов Сергей Федорович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX вв.: Энциклопедия. М.: РОС-СПЭН, 2010. С. 573.

лицо, физическое или юридическое, — полный хозяин владеемого им клочка земли. Земщина в лице лучших излюбленных людей — полный хозяин своей области или города. Государь-самодержец — полный хозяин всей Русской земли, в верховной полноте прав которого заключаются права как частных лиц, так и земств. Как частное лицо не может присвоить себе земские права, ибо само целиком со всеми своими правами входит в земщину, так и земство не может ни с какой стороны посягнуть на права верховной власти, ибо со всеми своими правами тонет в безграничном объеме прав целого народа, воплощающихся в живой, свободной личности Царя, которому всецело принадлежит действие, внушаемое его разумом и совестью и незримо направляемое и одобряемое всенародным общественным мнением. И над всем этим, все обнимая собою, включая и сравнивая в едином трепете о спасении души, единой молитве и единой ответственности перед Богом: и Царя с его самодержавием, и земщину с ее самоуправлением, и последнего крестьянина с его свободой и собственностью, — высится Христова Церковь»⁵.

Интересно, что при этом Шарапов отмечал, что в ситуации «истинного и свободного» самодержавия, без всяких формальных ограничений, мы получаем самое осторожное, самое консервативное в мире:

«Нравственная сила — такая великая сила, что наша верховная власть даже среди обстановки,

⁵ Теория государства у славянофилов: Сб. ст. СПб., 1898. С. 93.

162 сильно уклонившейся от идеалов старой допетровской Руси, в вопросах экономических чаще ошибается в смысле чрезмерной осторожности, чем риска»⁶.

Правление самодержца должно осуществляться не на основе буквы закона, а на основе совести и правды, а для восприятия самодержцем мнения народа необходимы земские представители и соборы.

Его политическим идеалом была Россия с самодержавным царем, который опирался бы на *сильную систему самоуправления*:

«по народному воззрению, Государь, давая законы, стоит сам сверх закона и своей свободной совестью и волей восполняет в отдельных случаях несовершенства закона. Но зато для всех подданных и слуг Государя существующий закон должен быть святыней и вот почему, если и возможно какое-нибудь посягательство на священные права Государя, то никак не со стороны самоуправляющегося в своих местных делах населения. Именно потому-то и должно быть выделено в особую систему дело земское от дела государева, что в этом выделении, и только в нем, является залог полной свободы, ненарушимости и неограниченности царского самодержавия»⁷.

За государством в этом случае должен остаться верховный контроль за исполнением закона,

⁶ *Шарапов С. Ф.* Бумажный рубль (его теория и практика) // *Шарапов С. Ф.* Россия будущего. С. 87.

⁷ *Шарапов С. Ф.* Самодержавие и самоуправление // *Шарапов С. Ф.* Россия будущего. С. 43.

контроль над самоуправлением и, собственно, 163
право издания законов.

Шарапов писал, что самодержавие и местное самоуправление — это два столпа практического управления страной. При этом, чем дальше они отстоят друг от друга, то есть чем больше развит бюрократический аппарат, который создает «дополнительные звенья» в цепи отношений между народом и правителем, тем больше препятствий для реализации воли последнего и тем сложнее поддерживать механизмы управления в рабочем состоянии. Между земством и бюрократией существует естественный антагонизм, чиновничий аппарат стремится к расширению своих функций за счет земства, посягает на свободу народа и земского самоуправления. Таким образом, задача правительства состояла в том, чтобы, с одной стороны, возродить истинно русские начала государственности, а с другой — способствовать развитию местного самоуправления, придать импульс самоорганизации общества.

Политические проекты самого Шарапова можно назвать примером политического утопизма. По его собственным словам, он пытался соединить славянофильскую теорию с данными экономической науки и найти реальную опору нравственным и политическим идеям славянофилов⁸.

⁸ *Шарапов С. Ф.* Бумажный рубль (его теория и практика). С. 51.

164 Шарапов считал серьезным упущением то, что до него славянофилы мало интересовались экономикой, и в этой области нет значимых теоретических работ. Он планировал восполнить этот пробел.

Как уже отмечалось ранее, его наиболее значимые теоретические взгляды складываются к 80–90-м годам XIX века. В 1895 году выходит его работа «Бумажный рубль»⁹, где он развивает свою модель экономики в земледельческом самодержавном государстве. Экономическую идею пользы (или выгоды) Шарапов считал подчиненной по отношению к нравственному началу, что делает ценности и идеалы более важными, чем простое обогащение. Всячески превознося Россию по сравнению со странами Запада, Шарапов связывает предлагаемую им финансовую реформу с возможностью освобождения России от иностранного влияния (экономического и, как следствие, остального) и проведения в ней политики, основанной на христианских началах¹⁰. В этой же работе он формулирует разницу между Россией и условным Западом в экономическом и политическом отношении:

«Запад все ищет гарантий против возможных злоупотреблений верховной власти, находит эти гарантии в золоте и акционерных национальных банках и попадает в безысходную

⁹ Там же. С. 51–174.

¹⁰ Там же. С. 77.

кабалу к бирже и ее царям. Россия добивается только одного: полной и настоящей свободы для своей единоличной верховной власти, твердо веруя, что эта власть абсолютно нравственна и доброжелательна и что все экономические бедствия и неурядицы проистекают от недоразумений или злоупотреблений исполнителей царской воли, умевших так или иначе уйти от контроля и вызвать верховную власть на несвободное решение»¹¹.

Поэтому России, по мнению Шарапова, необходима собственная финансовая теория, оригинальная, построенная на таких началах, которые будут соразмерны русской государственности: на принципах любви и доверия, которые делают власть осторожной и внимательной к нуждам народа, а народ заставляют верить, что власть разумна и действует ради его блага. Такая экономическая политика предполагает переустройство системы управления, и Шарапов также довольно подробно это описывал. В основу этой системы должен быть положен принцип государственного и народного хозяйства:

«Сеть учреждений, поэтому, расположится так: наверху отдельно стоящее учреждение, ведающее государственной росписью, то есть расходами и приходами государства, а также его собственными капиталами и доходами, являющимися долей государства как результатом оплодотворенного народного труда. Это будет в строгом смысле

¹¹ Там же. С. 84–85.

Державная Казна, соответствующая в принятой у нас терминологии части Министерства финансов, Государственному Казначейству. Рядом в совершенной независимости от первого учреждение, ведающее денежным обращением, народным кредитом и денежной частью всенародных государственных предприятий. Это будет Большая Казна, или по современной терминологии — Государственный Банк. Внизу, в областях (губерниях) и уездах, должны быть Приказы Большой Казны (отделения Государственного Банка первого и второго разрядов, слитые вместе с уездными и губернскими казначействами). Сеть этих учреждений должна быть одна, несмотря на одновременные их операции с частными и государственными суммами. Так как счет ведется на одинаковую единицу и движение денег одинаковое, то никакого затруднения в счетоводстве быть не может, а между тем при подобном единстве Большая Казна может в любую минуту с величайшей точностью иметь все данные, как об общем денежном обращении, так и о специальном состоянии счетов Державной Казны. Главная задача Большой Казны — управление денежным обращением посредством приема повсюду во всех своих приказах вкладов, выдачи повсюду же ссуд, установление повсюду земледельческого, торгового и промышленного кредита, а также и посредством выпуска в обращение и уничтожения излишних денежных знаков»¹².

В такой системе становятся излишними общественные или акционерные банки, а для частного кредитования остаются общества взаимного

¹² Там же. С. 164–165.

кредита. Такая экономическая политика должна, по мнению Шарапова, стимулировать народный труд и улучшать его условия, а на уровне всего государства — способствовать увеличению его свободы (от сторонних влияний, то есть укреплению самодержавной власти) и свободы граждан.

167

Критический настрой Шарапова заметно вырос после революции 1905–1907 гг. и реформы государственного строя, причем интересно то, что к революции он, судя по всему, относился с большей симпатией, чем к существующему режиму. Своим (и государства) главным врагом он по-прежнему считал бюрократию. Он обвинял ее во взяточничестве, искажении законов, в формализме и саботаже попыток наладить государственное управление. Критике также подвергался парламентский строй и демократические формы управления.

В основе его собственной политической теории лежит соединение принципа самоуправления с принципом самодержавной государственности, которая определяется им как нравственная сила, которая соответствует историческим традициям России. Это, по его мнению, самая лучшая форма государственного управления. Монарх в этой системе

«никому отчетом не обязан и ничьему суду неподсуден», но ограничен лишь «внутри себя: положительным учением Церкви ...своею совестью

168 ...историей, наконец, живую народной совестью, суд которой, хотя бы и молчаливый, веет вечно над Царем»¹³.

Сущность самодержавия трактуется им в работах этого времени по-прежнему в близком к славянофилам ключе: он пишет о том, что гарантии от злоупотреблений должны быть «нравственные», а не юридические. При этом «правильные отношения» между народом и государством должны давать возможность развития местных инициатив.

Если в работе «Самодержавие и самоуправление» Шарапов просто критиковал современный ему бюрократический строй, а в 1902 году опубликовал «фантастический политико-социальный» роман (незаконченный) «Через полвека», в котором писал:

«Я хотел бы в фантастической и, следовательно, довольно безответственной форме дать читателю практический свод славянофильских мечтаний и идеалов, изобразить нашу политическую и общественную программу как бы осуществленную»¹⁴.

Говоря о высших органах власти, Шарапов в этом романе предлагал в качестве оптималь-

¹³ Шарапов С. Ф. Опыт русской политической программы. М., 1905. С. 4.

¹⁴ Шарапов С. Ф. Через полвека // Шарапов С. Ф. Россия будущего. С. 308.

ной схему, в которой два центральных органа управления из четырех формируются с участием народных представителей:

169

1. Государственный Совет — законодательный орган, состоящий из представителей местных органов власти и членов по назначению в равной пропорции.

2. Народохозяйственный Совет тоже был законодательным органом, параллельным Государственному Совету, но занимался он исключительно экономическими вопросами.

3. Сенат — административный орган, наблюдающий за исполнением закона. Сенаторы посылаются «на места» в качестве уполномоченных для рассмотрения чрезвычайных дел. Они могут приостанавливать деятельность органов местного самоуправления, смещать выборных лиц, проводить новые выборы и т. д.

4. Центральный судебный орган — Верховный Кассационный Суд¹⁵.

Далее была приведена структура министерств, в целом совпадающая с тем, о чем мы писали выше (Державная Казна, Государственное Казначейство и т. д.).

Начинать реформы нужно было с восстановления прихода, затем необходимо было восстановить земство, организовав уездное так, чтобы оно состояло из выборных от приходов,

¹⁵ Там же. С. 367–368.

170 и чтобы ему были переданы все органы управления. Необходимо было также восстановить избрание епископов, чтобы в каждом уезде была епископская кафедра, а церковное управление слилось с земским. Уезд должен был стать епархией, а земское собрание — епархиальным советом. Это была бы «живая, органическая» земская единица, при наличии которой деление на страны на губернии оказалось бы неактуальным и не адекватным дальнейшему развитию страны, а только мешающим управлению:

«При огромной, прямо необъятной русской территории, чтобы Государь мог во всей силе и полноте проявлять свою самодержавную власть, ему можно иметь дело лишь с очень крупными земскими единицами, и такой единицей была принята область»¹⁶.

Во главе области должны были стоять начальник или наместник, назначаемый непосредственно царем, и областной предводитель дворянства (независимый от наместника и равный ему). Заниматься управлением они должны были совместно. Предводитель дворянства также должен был быть председателем областного земского собрания, состоящего из гласных, выбранных уездными земствами по одному от уезда. Управлять областью должна была Областная Дума, каждый член которой отвечает за свою часть управления, в нее также должен вхо-

¹⁶ Там же. С. 365.

доть областной митрополит, который отвечает за свою часть областных дел¹⁷. 171

Критикуя влияние бюрократии на государственное управление, Шарапов считал, что участие народных представителей может его нейтрализовать, т. е. местное самоуправление может «прийти на помощь» царю в управлении страной, стать помощниками царя, которые будут стоять у самого престола и сообщать царю о местных нуждах. Царь будет определять стратегию развития, основные направления деятельности, контролировать выполнение работы и вмешиваться в случае чрезвычайной ситуации, а вся конкретная управленческая работа должна быть возложена на муниципалитеты. За государством остаются верховная власть, законодательство, военное дело, царский суд, финансы, денежная система и публичный кредит, железные дороги, монополии, почта, телеграф и общий контроль.

И это будет *истинная и крепкая самодержавная монархия*, в которой не будет деления на управляющих и управляемых и все будут равны перед лицом верховного судьи — самодержавного царя:

«Самодержавие в его истинном свободном виде не дробимо и не делимо. Следовательно, Государь не может и не должен быть только вершиной бюрократической пирамиды. Он Самодержец,

¹⁷ Там же. С. 366.

172 а не глава бюрократии. Под ним не механизм бумажного управления с передачей власти из рук в руки, но ряд живых организмов — самоуправляющиеся по данному им закону области... Централизация и у нас есть, но какая? Техническая. Это совсем другое дело. Почтовый чиновник, начальник железнодорожной службы, агент Большой казны — это не власть, это служебные элементы государства. Вся общественная власть возникает из выборов, вся государственная власть в руках Царя. Вот наша схема»¹⁸.

На уровне областей бюрократию предполагалось сохранить, но ей отводилась только техническая роль, источником власти она являться не должна. Областному собранию предоставлено право издавать местные законы, устанавливать все прямые и косвенные налоги, а также акцизы, распоряжаться хозяйственными делами области, избирать представителей в общеимперские совещательные органы, взыскивать государственные налоги. В ведении области также находятся полиция, просвещение, земледелие, промышленность¹⁹.

Интересно, что в этой схеме нет Земского Собора, хотя Шарапов, как, например, и А. А. Киреев, считал, что созыв его мог бы помочь императору «сохранить лицо» и доверие народа

¹⁸ Там же. С. 372.

¹⁹ *Шарапов С. Ф. У очага хищений (Политическая фантазия. Продолжение «Диктатора» // Шарапов С. Ф. Россия будущего. С. 473–517.*

после опубликования Манифеста 17 октября, не вводя при этом конституционные ограничения своей власти. Идеи о возможности созыва Собора он высказывал даже в то время, когда Государственная Дума уже начала свою работу²⁰.

По сути, Шарапов предлагал собственное деление на области, которые обладали бы значительными правами в законодательной сфере, фактически, это проект превращения страны в федеративное и сильно децентрализованное государство.

* * *

В целом, конечно, можно сказать, что предложения Шарапова по реорганизации системы управления и, по сути, всего политического устройства страны, были недостаточно последовательны, во многом вычурны и утопичны. Кроме того, средства реализации проектов, о которых писал Шарапов (надежды на самодержца, на народ, на утопического диктатора), также представляются спорными. Тем не менее, его разнообразные проекты являлись интересным примером адаптации традиционных политических институтов и славянофильских догм к некоторым либеральным ценностям с целью разработки альтернативного варианта обновления России. Политическая

²⁰ См. например, его «Кабинет диктатора» (*Шарапов С. Ф. Россия будущего. С. 517–575*).

- 174 программа Шарапова и его реформаторские проекты государственного устройства, местного самоуправления и высших органов власти были призваны легитимировать абсолютную монархию. При этом интересно, что в ней сочетались вполне архаические ценности и современные инструменты управления.

Вместо заключения: общее и особенное в идеях поздних славянофилов

С самого момента своего возникновения славянофильство было сложным, активно развивавшимся учением, и потому часто внутренне противоречивым. Оно реагировало на общественные изменения, и его невозможно изучать в отрыве от того, как менялось само общество. Славянофильство не было голой теорией, оно исходило (или пыталось исходить) из истории русского народа, стремилось строить политические проекты без насилия над ней. Оно не обрело цельность, так и не стало законченным учением, доктриной, во многом потому, что реагировало на события внешней и внутренней политики России, на изменения в законодательстве, о чем более подробно будет сказано позднее, во второй и третьей главе настоящего исследования. Кроме того, в определенном смысле мы можем говорить даже о «славянофильствах», поскольку взгляды представителей этого течения действительно сильно различались между собой. Может быть, не очень продуктивно

176 считать славянофильство и тем более позднее славянофильство некими монолитными доктринами, когда мы заранее определяем, что собой представляет то или иное учение, а потом «вписываем» в него конкретных людей. Как было сказано в первой части этой книги, тех персонажей, о которых пойдет речь, мы относим к славянофилам по убеждениям, а не по партийной принадлежности: для всех них было важно сохранить и развить славянофильскую составляющую в своих собственных проектах.

Их идеи — это пример того, как на некоторых общих основаниях можно построить достаточно разные общественно-политические проекты — причем часто некоторые славянофилы были ближе к тем, кого другие считали идейными противниками, чем к своим же товарищам. Возможно, это также является причиной того, что в 80-е годы XIX века славянофильская повестка дня оказалась перехвачена другими общественными течениями, разработанные ими понятия и концепты вошли в общественный словарь без памяти об авторах, а те, кто называл себя славянофилами, сильно разошлись во мнениях относительно будущего политического устройства России.

Исследователи творчества поздних славянофилов часто отмечают, что заявленная первыми представителями славянофильства повестка дня к этому времени была либо реализована, либо стала «общим местом», причем как для

представителей либерального лагеря, так и для консерваторов: 177

«Н. Н. Страхов уже в 1864 г. на волне национального подъема после январского восстания 1863 г. писал о „победе славянофилов“, подразуемая, что теперь и те, кто ранее оппонировал славянофилам, заговорил их языком, принял — в той или иной степени, разумеется, весьма различной — конкретные положения их учения: славянофильство перестало быть принадлежностью узкого круга, понятия славянофильские теперь уже не служили особым „языком для своих“, а вошли в общий оборот — с тем большим основанием это можно сказать о ситуации к началу XX в. Однако еще более важным достижением славянофильства, сохраняющим свое влияние вплоть до наших дней, стала конкретизация, смысловое и образное наполнение „народности“, для Уварова еще выступающего в качестве „пустотного понятия“, определяемого через два других члена триады: к концу 1860-х гг. „народность“ предполагала достаточно определенный образ „русского мужика“, „русского мира“, начиная от традиционного обихода вплоть до таких узловых понятий, как „мир“ и „соборность“. Разумеется, славянофилы принимали участие в этом процессе конкретизации понятия „народность“, они предложили иерархически упорядоченную рамку для его наполнения, позволяющую выстроить образ, способный к универсализации, выходу за пределы сословных/групповых границ»¹.

¹ Тесля А. А. Славянофильство в его развитии: опыт реконструкции исторической логики // Вопросы истории консерватизма. 2015. № 1. С. 172.

178 В целом можно сказать, что политический язык поздних славянофилов, присущий им способ озвучивания политических/общественных проблем стал очень популярен в российской общественной мысли, начиная с 80-х годов XIX века и до начала нулевых годов XX века. Возможно, отчасти поэтому сложно было оставаться «просто славянофилом», требовалось еще какое-то уточнение.

Политическую лексику славянофильства было достаточно легко усвоить в том числе и потому, что здесь не требовалась никакая особенная конкретизация. Российское образованное общество и так понимало, что имеется в виду под «обществом», «народом», «земством», «внешней и внутренней правдой», такое словоупотребление, на первый взгляд, не требовало расшифровки и было «интуитивно ясно». «Общество» понималось как «орган осмысления народного бытия», тот субъект, который обладает самосознанием и способен перевести «народность», органически данную в «народе», на язык сознания — в обществе народ осознает самого себя, обретает сознание и сознательность. Обществу надлежит конституироваться, стать тем, чем оно должно быть — «органом самосознания», обрести полноценную субъектность.

Также хорошо понимались и принимались славянофильские идеи о праве не как юридической технике, а как совокупности неких этических

ценностей, «внутренне присущих» народу. Формальное право несправедливо, и для того, чтобы оно таковым стало, необходим внеправовой регулятор, каковым является царь. Различение правды внутренней от правды внешней, закона нравственного от закона формального, юридического — часто встречаемый славянофильский мотив, базовый для всей их общественной мысли. Он проводился ими в бесчисленных вариациях, по самым различным поводам и часто становился предметом критики со стороны современных им теоретиков правоведов, сторонников конституционных преобразований, либеральных мыслителей. Европейское общество они считали искусственным, развивающимся путем переворотов, где нет живого начала, которое естественно и гармонически развивается, и которое нет необходимости сдерживать формально-правовыми запретами. Утопизм, «нравственный» характер политической программы, неопределенность в планах реализации — все это в той или иной степени было им свойственно. Ясно, что при таких условиях неограниченная власть может быть облечена только в монархическую форму, ибо всякая другая форма в большей или меньшей степени предполагала бы участие народа в высшем правительственном организме.

Также нужно отметить свойственную языку поздних славянофилов морализацию общественной жизни и ее оснований, причем достаточно

180 настойчивую, временами подменяющую собственное правовое или политическое осмысление общественно-политических реалий, присущую ему даже в большей степени, чем их предшественникам, привлекательную тем, что она дает возможность однозначно оценивать ситуацию и выносить приговоры, не вдаваясь в более сложные рассуждения. Моральное подменяло даже политическое: политические, государственные проблемы зачастую описывались в терминах морали, а не, например, права или собственно политики.

«...Правовой порядок — ложь, неудержимо понижающая этические идеалы народов и государств. Да, правовой порядок есть не что иное, как узаконенный эгоизм, кощунственно возведенный в этическое начало, и этому началу мы должны противопоставить наше христианское начало, твердо его отстаивая, твердо проводя его в нашу общественную жизнь», — писал Киреев в работе «Россия в начале XX столетия». Однако и этику они зачастую воспринимали под знаком религии, точнее, христианства, православия. Центр их общественной мысли заключался, таким образом, в их религиозных, христианско-православных убеждениях. Таким образом, право как бы подменяется моралью, причем религиозной, православной. Политическое же фактически сужалось до действий власти.

Политические проекты поздних славянофилов были типично-славянофильскими. Они во многом противоречивы, не всегда согласуются между собой, однако эти противоречия обусловлены не столько тем, что они не видели логических нестыковок своих теорий, сколько тем, что перед ними стояли разные теоретические и практические задачи, а не составление общей политической теории славянофильства. Во многом то, о чем писали поздние славянофилы, не вписывалось ни в существующую политическую систему, ни в те реформационные проекты, которые проводились властями или были частью требований сторонников либеральных преобразований, и одной из задач нашего исследования является выявление общих для этих персонажей идейно-политических и правовых оснований.

Подводя общий итог исследованию политических проектов представителей позднего славянофильства, можно сделать обоснованный вывод об общности идейных оснований, разделяемых их авторами, что дает возможность говорить о них как о принадлежащих к славянофильской традиции. Все общественные деятели, о которых шла речь в этой части нашей работы, воспринимались современниками и позднейшими исследователями как представители славянофильской традиции русской мысли либо соотносили себя с ней, несмотря на существовавшие

182 между ними идейные разногласия, временами достаточно серьезные.

Всеми представителями данного направления разделялась точка зрения на самодержавие как на несомненную ценность: как теоретического концепта и как политической практики, как формы государственного устройства. Несмотря на то, что содержательное наполнение этого понятия зачастую разнилось, в их взглядах можно найти нечто общее: идею внутреннего самоограничения самодержавной власти, которое свойственно ей по природе и не может быть заменено формально-юридическими ограничениями. Наиболее яркое выражение эти идеи находят в творчестве Д. А. Хомякова и Д. Н. Шипова. Исключением здесь будут разве что взгляды К. Н. Пасхалова, у которого самодержавие практически переходит в абсолютизм, но даже он писал о нравственных самоограничениях монарха.

Все остальные же свойственно убеждение в том, что для самодержавного монарха представление об общем благе является не менее значимым, чем для них самих. То, что, несмотря на приверженность идеалу самодержавной монархии, представителям позднего славянофильства не были чужды республиканские идеи общего блага, понимаемого как благо государства в целом, а не отдельных его частей, было другой важной общей чертой, на которую мы обратили внимание. В этой части нашего исследования

мы попытались продемонстрировать, что идеалы общего блага, свободы как не-доминирования не были чужды представителям позднего славянофильства, несмотря на их монархические установки.

В трудах некоторых из них также нашел отражение славянофильский тезис о так называемой аполитичности русского народа. Славянофилы изначально видели одной из главных своих задач «воспитание общества», имея в виду и народ, и образованные слои, аристократию. Подробности этого проекта представлялись им достаточно смутно, но акцент делался на нравственном воспитании, пробуждении сознания и т. п. Здесь славянофилы выступали одновременно и наследниками европейского Просвещения, и романтиками, мечтающими о народе, осознающем себя и организующемся в общины, идеал которой они рисовали себе в картинках Земских соборов допетровской России.

Кроме того, важным является то, что критическое отношение к современному поздним славянофилам государственному строю не уводило их в ряды оппозиции, они оставались последовательными сторонниками монархического режима управления. Большинство из них оценивали русскую государственную политику 1881–1905 гг. преимущественно негативно, считая это время временем упущенных возможностей, скептически или резко отрицательно относясь к проводимым реформам и внешней политике, считая этот

184 период кризисом российского самодержавия. Охранительные меры, которые в начале царствования Александра III могли восприниматься ими как необходимые, как продолжение и развитие тех государственных начал, которые были исходно свойственны русскому народу, в дальнейшем трактовались славянофилами как то, что оказывалось самоценным и потому превращалось из необходимых в кризисной ситуации в источник все больших в дальнейшем проблем для развития государства и общества.

Однако представителей позднего славянофильства нельзя считать оппозицией в нынешнем понимании этого слова: они были убежденными сторонниками сохранения существующего государственного строя во главе с монархом и резко негативно относились к революционным преобразованиям. Впрочем, это не мешало им довольно пессимистически относиться к перспективам конституционных преобразований и других предпринимаемых властями приемов выхода из кризиса.

Они не могли не отреагировать на Манифесты 17 октября 1905 года и 20 февраля 1906 года, когда стало ясно, что в России все-таки будут введены представительные учреждения в той или иной форме. В переписке, статьях, публичных выступлениях и дневниковых записях представителей позднего славянофильства мы можем найти свидетельства того, что у них было собственное представление о необходимых реформах.

Вопросы о форме правления и задачах государственной власти были для них частью одной общей проблемы, имевшей и теоретический, и практический интерес, поскольку существование самодержавной монархии оправдывалось целью, которая лежит в ее основании, т. е. воплощением в жизнь этических принципов русского православия. Этой целью обуславливались требования, предъявляемые ими к государственному строю России.

При этом славянофилы конца XIX века находились в довольно сложном положении: перед ними стояла задача разработки программы реформ, которая, с одной стороны, была призвана изменить нынешнее положение дел, а с другой, оставить неизменным сам принцип самодержавия, которое также нужно было освободить от того, что уже традиционно воспринималось российским обществом как его неотъемлемая часть: от бюрократического «средостения», злоупотреблений со стороны властей и чиновников и т. д. Соответственно, разрабатываемые ими государственные преобразования были нацелены на воплощение в жизнь истинного, а не бюрократического самодержавия.

Согласно проекту К. Н. Пасхалова, стране необходимо вернуться к тому, что он считал более консервативным способом организации общественной жизни. В частности, он предлагал довольно радикальные преобразования земства и категорически не соглашался признать

186 необходимость введения представительных органов управления. При этом он парадоксальным образом не замечал, что в современных ему условиях реализация этих проектов была бы более радикальным, революционным шагом, чем те реформы, на необходимости которых настаивала либеральная часть общества.

Согласно проекту С. Ф. Шарапова, основная составляющая будущей государственной реформы — замена бюрократического аппарата «государственно-земским», когда только дела общегосударственного значения должны решаться непосредственно самодержцем и центральными правительственными органами.

Ф. Д. Самарин, противник институциональных преобразований, представительных учреждений и идеи народного представительства, в своей программе выхода из кризиса довольно большое внимание уделил формированию и укреплению институтов гражданского общества, способных контролировать бюрократию и сдерживать административный произвол, а также законному гарантированию прав и свобод граждан.

Не предлагая конкретных вариантов государственных преобразований и развивая теоретические представления своего отца, Д. А. Хомяков выстраивал так называемую «метафизику власти», основанную на единстве царя и народа и противостоящую механистическому пониманию государства как аппарата управления. Разрабатывая свою теорию и историю самодер-

жавия, Хомяков оставался идейно более близким к старшему поколению славянофилов, чем к своим современникам.

Общую цель земской деятельности Д. Н. Шипов видел в осуществлении «христианской политики», которая предписывала заботу о нуждающемся крестьянстве. Его идеи земского переустройства были частью ответной реакции общества на проявление социально-экономических противоречий в государстве. По нашему мнению, его вклад в развитие представлений о сути земского самоуправления был весьма значительным, а его концепция не противоречила политической системе государства, но включала в себя понимание пути дальнейшего развития государства, при котором необходим диалог между властью и обществом.

Существование самодержавной монархии в концепции Киреева оправдывалось целью, лежащей в ее основании, — стремлением воплотить в жизнь нравственные принципы русского православия. Монархия не должна быть ограничена законом, но только церковью и представлениями монарха о народном благе (которые он корректирует в ходе совещания с Земским собором). По его мнению, практическая реализация славянофильского проекта должна была помочь государству выбраться из политического кризиса и избежать «падения в конституцию».

Еще одной важной особенностью представителей позднего славянофильства было

188 скептическое отношение к формально-правовым способам регулирования общественной жизни, обусловленное специфическим способом мышления о государстве. Право понималось ими не как техника, а как совокупность неких этических ценностей, «внутренне присущих» народу. Общественная нравственность, по их мнению — это не то, что может сформироваться само собой, ее необходимо воспитывать, и это нужно было иметь в виду в дебатах о том, какая форма правления больше всего подходит России. Славянофилы в целом разделяли убеждение, что власть — это вынужденное зло, что она не является благом для того, кто ею обладает, а напротив, развращает его. Следовательно, демократия — это путь к развращению уже всего народа, когда частные интересы окончательно затмят собой представление об общем благе, о нравственной цели правления. Настоящий монарх-самодержец в представлении славянофилов должен стоять выше сословных и классовых интересов, партийных споров, политической борьбы. Он настроен на диалог с народом и печется о его благе, и при таком режиме управления подданные могут достичь состояния подлинной свободы: ведь самодержавие вполне совместимо с гражданскими и политическими правами и свободами.

Безусловно, такой образ монархии расходился с политической и административной практикой, и поэтому славянофилы довольно часто становились критиками существующего строя.

Однако не теми критиками, которые хотели бы радикальных реформ или смены режима, но теми, кто хотел бы предложить работающие рецепты его сохранения, поскольку ценность уже существующего в их глазах была намного выше, чем гипотетическая ценность того, что могло прийти на смену. 189

Вероятно, по этому признаку их можно назвать охранителями. Но так ли это плохо?

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
Часть 1. Позднее славянофильство как объект изучения: проблемы определения и периодизации . .	9
Часть 2. Лица и идеи	31
Глава 1. К критике идеи народного представительства и в защиту самодержавной монархии: политические идеи Федора Дмитриевича Самарина	33
Глава 2. Метафизика православной власти Дмитрия Алексеевича Хомякова	69
Глава 3. Славянофильский идеал и возможность его воплощения: политические проекты генерала Киреева . .	86
Глава 4. Славянофил и идеальный землец: политические идеи Дмитрия Николаевича Шипова	110
Глава 5. Убеденный монархист и землец: реформаторские проекты Клавдия Никандровича Пасхалова	141

Глава 6. Экономические преобразования на славянофильской основе: политическая утопия Сергея Федоровича Шарапова	191 157
Вместо заключения: общее и особенное в идеях поздних славянофилов.	175

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus novus»

Марей Мария Дмитриевна

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ПОЗДНИХ СЛАВЯНОФИЛОВ

Идеи переустройства российской государственности

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *В. Ю. Трофимов*
Корректор *М. В. Романова*
Технический редактор *О. В. Новикова*

Подписано к использованию 18.06.25
Формат 12,5×18,5 см
Гарнитура PT Sans

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: <https://eurasiabooks.com/>
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: <https://www.intermediator.ru>
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru



Эта книга посвящена исследованию политических проектов представителей так называемого «позднего славянофильства»: тех, кто считал себя последователями славянофильского движения, был признан таковым современниками, но не входил в число отцов-основателей. К 80-м годам XIX века славянофильская повестка дня оказалась перехвачена другими общественными течениями, разработанные ими понятия и концепты вошли в общественный словарь без памяти об авторах, а те, кто называл себя славянофилами, сильно разошлись во мнениях относительно будущего политического устройства России. Это было время и развития земств и местного самоуправления, но одновременно и принятия законов, ограничивающих их деятельность; время расширения публичной сферы и ужесточения цензуры; время появления массовых общественных движений, политических партий, Государственной Думы, а также — время террора, революций и смены политического режима. Да, само время могло «славянофильствовать», но для того, чтобы быть искренним славянофилом в конце XIX века, необходимо было прилагать некоторые интеллектуальные усилия, чтобы показать, что обращение к идеям «отцов-основателей» — это не просто дань уважения, а методологически обоснованный выбор. О том, как у них это получилось, мы и поговорим в этой книге.